

ОЧЕРКЪ IV.

САХАЛИНЪ.

Географическое положеніе. — Климатъ. — Природа. — Населеніе. — Рыбпромышленность. — Звѣроловство. — Занятіе острова русскими. — Каменноугольная промышленность и сѣмьный вопросъ.

Аины на островъ Сахалинъ.

„Сахалинъ островъ—круюль вода, а по срединѣ бѣда“.

ПОГОВОРКА.

I. ПОСЛѢДНЕЕ ПРИОБРѢТЕНІЕ РОССИИ НА САМОМЪ ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКЪ.

Сахалинъ еще въ недалекомъ прошломъ возбуждалъ очень мало любопытства въ русскомъ обществѣ и только въ послѣднее время вслѣдствіе того, что правительство избрало островъ мѣстомъ ссылки для преступниковъ, въ печати стали чаще и чаще появляться статьи, которыя знакомятъ публику съ этой самой отдаленной и мало извѣстной нашей окраиной.

Между тѣмъ первыя свѣдѣнія и нѣкоторыя, конечно, весьма не полныя описанія острова составлены еще членами экспедиціи Беринга-Спанбергомъ и Шельтингомъ въ 1740-мъ—1742 гг. Вѣроятно, на основаніи описей Спанберга и Шельтинга составлена въ 1752 году Крашенинниковымъ первая карта Сахалина.

Болѣе точно и болѣе подробно знакомить насъ съ островомъ знаменитый нашъ мореплаватель Крузенштернъ, составившій опись береговъ Сахалина въ 1805-мъ году.

Такъ какъ Крузенштернъ сѣверной части острова не обогнулъ, а входъ въ Татарскаго пролива въ лиманъ Амура считался не возможнымъ по множеству неизлѣдованныхъ отмелей, подступающихъ къ матеріку отъ береговъ Сахалина, то Сахалинъ принимали за полуостровъ, и вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ только въ 1849-мъ году капитаномъ Невельскимъ, который на военномъ транспортѣ Байкаль изучилъ лиманъ Амура и переходъ между матерікомъ и островомъ въ Охотское море.

Находясь между 45° — $57'$ и 54° — $53'$ сѣверной широты, Сахалинъ, слѣдовательно, растянулся на 900 слишкомъ верстѣ въ длину и занимаетъ площадь, приблизительно, въ 1000 географическихъ миль или въ 49,000 квадратныхъ верстѣ.

Омываемый съ сѣвера и востока Охотскимъ моремъ и съ юга проливомъ Лаперуза островъ отдѣленъ отъ материка Татарскимъ проливомъ и лиманомъ Амура. У мыса Лазарева разстояніе между берегами материка и Сахалина не болѣе 8—12-ти верстѣ. Ширина острова далеко не соответствуетъ его длинѣ и въ самомъ широкомъ мѣстѣ около мыса Терпѣнія (49° — $20'$) не превышаетъ 180-ти верстѣ. Наименьшая ширина Сахалина на параллели устья рѣчки Кусунай, впадающей въ Татарскій проливъ, отъ 30 до 32-хъ верстѣ.

Климатъ Сахалина находится въ зависимости, какъ отъ значительнаго его протяженія по широтѣ, такъ и отъ вліянія окружающихъ его морей. Если раздѣлить островъ въ климатическомъ отношеніи на южную, среднюю и сѣверную части, то придется принять за границу южной части 49° — $15'$, то есть устье рѣки Пльи, впадающей въ Охотское море въ заливѣ Терпѣнія, а за границу сѣверной части устье рѣки Тыкъ, впадающей въ Татарскій проливъ на параллели 51° — $45'$. Такимъ образомъ окажется, что южная часть Сахалина находится въ однихъ широтахъ съ нашимъ Новороссійскимъ краемъ, средняя соответствуетъ южнымъ черноземнымъ губерніямъ, а сѣверная средней полосѣ Европейской Россіи.

Казалось-бы и климатъ Сахалина не долженъ особенно отличаться отъ климата Европейской Россіи, но на дѣлѣ далеко не такъ: губительное вліяніе Охотскаго моря уничтожаетъ всѣ благоприятныя климатическія условія, при которыхъ находился-бы островъ, какъ по занимаемой имъ широтѣ, такъ и по благотворному вліянію остальныхъ морей, его омывающихъ.

Общій выводъ изъ всѣхъ метеорологическихъ наблюдений, производившихся, какъ на югѣ, такъ и въ средней части острова, даетъ намъ среднюю годовую температуру на югѣ $+2^{\circ}$, $33'$ и въ окрестностяхъ поста Дуэ $+1^{\circ}$, $29'$.

Большихъ жаровъ въ теченіе лѣта почти не бываетъ и термометръ рѣдко когда показываетъ свыше 20° . Такой же относительно умѣренностью отличается и зима. Ясною погоды Сахалинъ похвастать не можетъ, взамѣнъ же того награждаетъ постоянствомъ времени года; разъ установившаяся зима держится обыкновенно безъ оттепелей на югѣ, напримѣръ, сначала или съ половины ноября и иногда до послѣднихъ чиселъ марта.

Совершеннаго безвѣтрія у побережья острова почти не бываетъ. Лѣтомъ преобладаютъ южные и восточные вѣтры, а зимою сѣверные и сѣверо-западные.

Густые непроницаемые туманы держатся у береговъ Татарскаго пролива, преимущественно, въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ и служатъ не малой помѣхой для судоходства.

Климатъ сѣвернаго Сахалина можно безошибочно назвать весьма суровымъ. Охотское море, омывая его съ трехъ сторонъ однимъ изъ своихъ самыхъ холодныхъ угловъ Шантарскимъ моремъ, передаетъ этой части острова и всѣ неблагоприятныя климатическія условія названнаго моря, въ которомъ держатся льды до половины августа.

Море у береговъ острова, за исключеніемъ небольшихъ бухточекъ, не замерзаетъ, но прибойные вѣтры, дуящіе къ берегу, приносятъ къ берегамъ сало или, выражаясь по-сибирски, «шугу», которая примерзаетъ къ выдающимся мысамъ и рифамъ, а затѣмъ, укрѣпляясь и все болѣе и болѣе сплывающаяся, образуетъ въ концѣ концовъ прибрежную ледяную полосу, называемую «забереги». Всего прочиѣе и продолжительнѣе держатся они у береговъ Охотскаго моря.

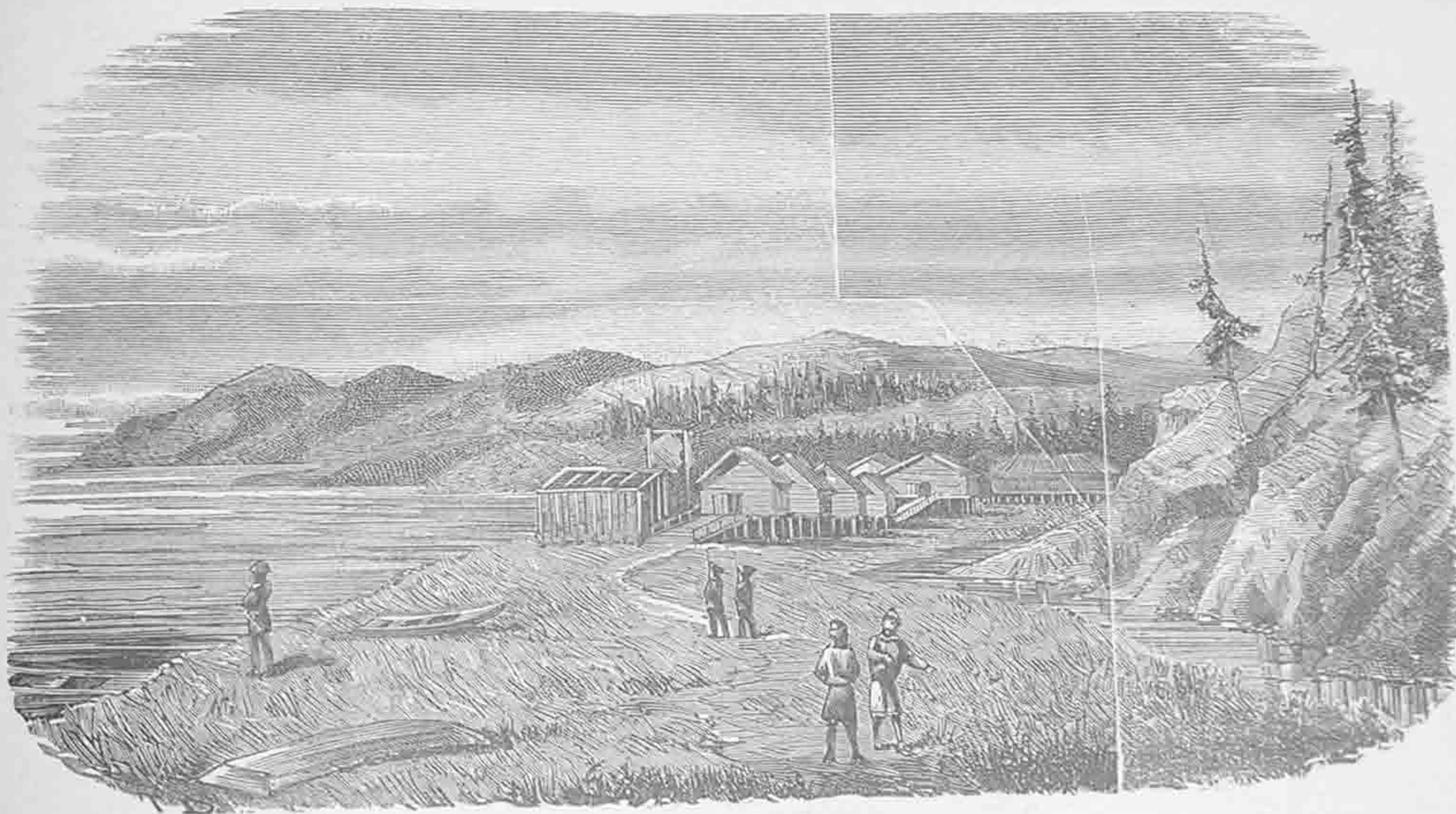
Такимъ образомъ, принимая дѣленіе острова въ климатическомъ отношеніи на три пояса, можно смѣло сказать, что южная часть обладаетъ умѣреннымъ и здоровымъ морскимъ климатомъ, средняя—западная—тѣмъ же умѣреннымъ, средняя—восточная—болѣе суровымъ и, наконецъ, сѣверная—весьма суровымъ климатомъ.

Топографическое строеніе Сахалина нѣсколько измѣняетъ это общее положеніе, и въ до-

динахъ внутренней площади острова, огражденныхъ горными хребтами отъ вліянія морей, средняя годовая температура находится въ большей зависимости отъ широты.

Вся площадь среднего и южнаго Сахалина представляетъ рядъ горныхъ цѣпей и отроговъ, образующихъ долины по теченію рѣкъ и ихъ притоковъ. Главный хребетъ отъ крайняго сѣвера, гдѣ мысомъ Елизаветы обрывается въ Шантарское море, спускается къ югу, удаляясь отъ берега Татарскаго пролива къ побережью Охотскаго моря, и выполняетъ западную часть сѣвернаго Сахалина невысокими отрогами, представляющими по плоскогорьямъ сплошную тундру съ оазисами тощей хвойной растительности. Южнѣе долины рѣки Тыкъ хребетъ развѣтвляется и восточная его отрасль тянется берегомъ Охотскаго моря, кончаясь мысомъ Терпѣнія, западная же, подступая къ берегамъ Татарскаго пролива, разбивается южнѣе поста Дуэ на нѣсколько горныхъ цѣпей, изъ коихъ ближайшая къ берегу достигаетъ наибольшей высоты на $48^{\circ}, 16'$ широты, образуя здѣсь двѣ горныя вершины Райциску и Ичару, имѣющія до 4000 футовъ высоты.

На перешейкѣ, между устьями Кусунай и Мануэ, отдѣльныя отроги смыкаются въ общій

Видъ залива Надежда.

хребетъ, который затѣмъ разбивается на три отдѣльныя цѣпи; западная кончается полуостровомъ Крильонъ, средняя отъ мыса Суусунай, выступающаго въ Охотское море, идетъ къ югу, придерживаясь меридіональнаго направленія и кончается въ заливѣ Анива мысомъ Сони и далеко выдающимся въ море мысомъ Отане-Эндума (въ буквальный переводъ «длинный мысъ»), наконецъ, восточная идетъ отъ мыса Тонина по берегу Охотскаго моря и кончается мысомъ Анива, выполняя своими отрогами весь восточный полуостровъ южнаго Сахалина. Найвысшія горныя вершины въ западномъ хребтѣ носятъ названія: Спанбергъ и Бернизетъ, причемъ послѣдняя доходитъ до 3000 футовъ высоты. Средняя высота центрального хребта въ сѣверной его части, то есть ниже мыса Суусунай, доходитъ до 2500 футовъ, а въ южной не превышаетъ 1000 футовъ; наконецъ, средняя высота третьяго юго-восточнаго хребта опредѣляется въ 1500 футовъ. Высшая точка срединнаго хребта носитъ туземное названіе Поро-Нубури (большая гора), съ нея хорошо видно, какъ Охотское море, такъ и проливъ Лаперуза.

Изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ, орошающихъ островъ, первое по протяженію мѣсто занимаютъ рѣка Тыкъ и рѣка Пльи, обѣ берущія начало изъ одного и того же водораздѣла и пробѣгающія всю среднюю часть острова: Тыкъ, на сѣверо-востокъ, причемъ, имѣя до 200

версть теченія, впадаетъ въ заливъ Ный, находящійся уже въ сѣверной части острова, а Плын (Су-Санги-Су или Нева) на юго-востокъ и, пробѣгая почти одинаковое разстояніе, впадаетъ непосредственно въ Охотское море, причемъ обширный лиманъ и протоки этой рѣки въ море носятъ на югѣ названіе «Сиська», то есть, названіе ея притока, при которомъ устроены японскій постъ и богатые рыболовные заведенія.

Изъ рѣкъ сѣвернаго Сахалина (кромѣ низовьевъ Тыми), впадающихъ въ Татарскій проливъ, заслуживаетъ вниманія рѣка Тыкъ, а изъ рѣкъ средней части острова рѣки: Арково, съ ея живописной долиной, весьма удобной для хлѣбопашества; Малая Дуэ, въ прекрасной долинѣ которой устроены уже первыя наши поселенія; Сиритунай и Нояси, по послѣдней могутъ подыматься даже небольшіе паровые пароходики; Эссытуру заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ по обширности орошаемой долины, такъ и потому, что отъ ея верховьевъ можетъ быть проложенъ путь къ верховьямъ рѣкъ Найеро и Котакисъ, впадающимъ въ Охотское море и орошающимъ тоже однѣ изъ самыхъ обширныхъ на томъ побережьѣ долинь; наконецъ, рѣка и долина Уссуро, при которой самый сѣверный постъ японцевъ, имѣющихъ здѣсь богатые

Видъ залива Анивы.

рыбныя ловли. Затѣмъ слѣдуютъ: рѣка Кусунай и ея долина, которыя находятся уже въ южномъ районѣ острова; рѣка Ноторо, пробѣгающая самую обширную, богатую и живописную долину Татарскаго побережья; далѣе къ югу слѣдуютъ долина рѣки Маукэ, гдѣ есть большое Айно-японское поселеніе и, наконецъ, долина Сони, въ 20-ти верстахъ отъ мыса Крильонъ. Рѣки, впадающія въ заливъ Аниву и въ Охотское море, протекаютъ между западнымъ и южнымъ центральнымъ хребтомъ, причемъ изъ главныхъ только Найбучи, (по туземному Овне-Най) впадаетъ въ Охотское море; остальные же три: Сусуя, Кеке и Труотага, впадаютъ въ заливъ Аниву. Прибрежья залива Анива, съ красивыми очертаніями береговъ, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самую населенную часть острова.

Найбучи, Сусуя и Труотага имѣютъ отъ 45 до 50-ти верствъ протяженія каждая, ширина же ихъ только у устья доходитъ до 50—60-ти сажени. Главный притокъ рѣки Найбучи рѣка Такая беретъ начало на одной высотѣ съ верховьями рѣки Сусун и прорѣзываетъ почти на 30-ти верстномъ разстояніи широкую и плодородную долину, раскинутую до отроговъ западнаго хребта. Долина Сусуи составляетъ какъ-бы продолженіе долины Такая къ югу, вслѣдствіе чего обѣ носятъ общее названіе Такой-Сусуйской долины.

Какъ Пльйская долина въ средней, такъ Такая-Сусуйская въ южной части Сахалина самыя плодородныя и удобныя для хлѣбопашества. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море, сѣвернѣе рѣки Найбучи можно назвать: Отосанъ, Мануэ, Могунъ-Котавъ и, наконецъ, поименованныя уже выше долины Найеро и Котакисъ. Кромѣ названныхъ главныхъ рѣкъ и долинъ островъ буквально изрѣзанъ множествомъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, или самостоятельно вливающихся въ окружающія острова моря или же составляющихъ притоки главныхъ рѣкъ.

Изъ болѣе значительныхъ озеръ назовемъ въ средней части острова озеро Тарайка на одной почти широтѣ и всего въ 20-ти верстахъ отъ лимана рѣки Пльи. Тарайка отдѣлено отъ Охотскаго моря не широкой песчаной кошкой. Въ южной же части заслуживаютъ вниманія озера «Райциска», у побережья Татарскаго пролива близъ мыса Нотосамъ; озеро Лебязье, недалеко отъ устья рѣки Найбучи, имѣющее до 5-ти верстъ въ діаметрѣ, Мало-Тунайчинское и Большое Тунайчинское озера, изъ которыхъ послѣднее соединено протокомъ съ Охотскимъ моремъ и имѣетъ около 30-ти верстъ въ длину и до 15-ти верстъ въ ширину. Озера большое и малое Чеписанское, изъ которыхъ первое отдѣлено не большимъ горнымъ переваломъ отъ большаго Тунайчинскаго озера, а второе отдѣлено такимъ же переваломъ отъ залива Анива. Къ этой же системѣ озеръ, занимающихъ всю обширную болотистую низменность полуострова Анива, принадлежатъ еще озера Большое и Малое Вавай и бухта Буссе, соединенная съ моремъ широкимъ и судоходнымъ протокомъ. Топкія и широкія побережья этихъ озеръ, поросшія тростникомъ, указываютъ на то, что прежде величина ихъ была значительно больше. Озера, не имѣющія сообщенія съ моремъ, какъ, напримѣръ, Чеписанскія и озера Вавай, имѣютъ прѣсную воду; тѣ же, которыя сообщаются съ моремъ протоками, прѣсно-соленую.

Говоря вообще, дѣйственная почва Сахалина должна бы дать хлѣбопашцу хорошее вознагражденіе за трудъ, но тутъ является вопросъ, насколько будутъ благопріятствовать развитію хлѣбопашества климатическія условія, въ которыхъ находится островъ. Во всѣхъ долинахъ южнаго Сахалина, какъ, напримѣръ: Онненойской, Такойской и другихъ, почва тучная, черноземная, образовавшаяся отъ перегноя различныхъ растений. Слой чернозема покрываетъ тоже скаты и распадки горъ, но здѣсь онъ значительно тоньше, а на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ почва переходитъ въ глинистую и каменистую. У нижняго теченія рѣкъ, прорѣзывающихъ долины, почва болотистая, но при осушкѣ легко можетъ быть обращена въ удобную для хлѣбопашества. По побережьямъ бухты Буссе мы находимъ въ почвѣ значительное содержаніе извести, которая, въ смѣшеніи съ перегноемъ морской капусты и различныхъ водорослей, дѣлаетъ ее особенно плодородною. Мѣстности, прилегающія къ морю, представляютъ мѣстами сплошные песчаные наносы. Такіе наносы видимъ мы при устьяхъ всѣхъ значительныхъ рѣкъ, образуемые въ теченіе десятковъ лѣтъ. Покрываясь затѣмъ шиповникомъ, можжевельникомъ и сланцемъ, наносы укрѣпляются и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаютъ песку уноситься вѣтромъ во внутренность острова. Почва средняго Сахалина мало чѣмъ отличается отъ почвы южнаго района и служитъ такой же вѣрной гарантіей успѣшному хлѣбопашеству. О почвѣ сѣвернаго Сахалина, за неимѣніемъ данныхъ, трудно высказать какое либо рѣшительное мнѣніе, да притомъ суровый климатъ даже и при хорошей почвѣ служилъ бы положительнымъ препятствіемъ ко всякаго рода попыткамъ упрочить здѣсь хлѣбопашество.

Изъ минеральныхъ богатствъ Сахалина нужно упомянуть о каменномъ углѣ, которымъ островъ изобилуетъ повсемѣстно. Самыя богатыя залежи находятся около поста Дуэ и между рѣчками Сиритунай и Нояси. Въ обоихъ названныхъ пунктахъ производится уже разработка. По тому-же берегу Татарскаго пролива, сѣвернѣе поста Дуэ, замѣчены залежи лигнита при рѣчкахъ Мгачъ, Танги и Хозэ, а южнѣе Нояси въ обрывистыхъ берегахъ рѣки Утасу, затѣмъ у мыса Отехкоро и въ долинѣ рѣки южная Нояси. По восточному берегу извѣстны залежи лигнита въ верховьяхъ рѣки Ай и при селеніи Очехпоко въ невысокихъ горныхъ отрогахъ,

круто обрывающихся въ Охотское море. Въ заливѣ Анива найдены, но не изслѣдованы, пласты около Ченисанскихъ озеръ.

По мнѣнію академика Шмита богатая по разнообразію флора южнаго Сахалина составляетъ продолженіе сѣверной японской флоры. Изъ наиболѣе знакомыхъ намъ древесныхъ видовъ встрѣчается здѣсь: лиственница, распространенная преимущественно въ низменныхъ мѣстностяхъ и по побережьямъ озеръ. Ель, составляющая главный матеріалъ для построекъ. Пихта и тисъ, ягодный. Изъ деревьевъ же лиственныхъ породъ встрѣчаемъ: березу, ольху, тополь, ясень, кленъ, иву, черемху, дубъ монгольскій, встрѣчающійся на болѣе сухихъ мѣстахъ. Онъ мелокъ и для построекъ не годенъ. Два вида вяза, лубъ которыхъ идетъ на выдѣлку матерій. Бояра, очень красивое и прочное дерево, идетъ на мелкія подѣлки. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ пробковое дерево, встрѣчающееся преимущественно по склонамъ западнаго Сахалина.

Изъ весьма разнообразныхъ и богатыхъ обиліемъ видовъ кустарныхъ растений назовемъ: кедровый сланецъ или кедръ кустарный, растущій, какъ на самыхъ высокихъ горныхъ вершинахъ, такъ и по побережьямъ Охотскаго моря, тальникъ, шиповникъ, малину, красную смородину, моховку, калину, голубику, чернику, клюкву и бруснику. На горныхъ склонахъ западнаго берега встрѣчается виноградъ, но плодъ его не вызрѣваетъ.

Изъ травянистыхъ растений слѣдуетъ назвать: богульникъ (*Rhododendron*), покрывающій огромныя топкія пространства въ лиственничныхъ лѣсахъ; злакъ тростеполевицу, стебель котораго идетъ на кровлю незатѣйливыхъ туземныхъ юртъ; камышъ, осоку и крапиву; послѣдняя произрастаетъ всюду на черноземныхъ и черноземно-суглинистыхъ мѣстахъ. Изъ крапивы ткуть холсты на ручныхъ туземныхъ станкахъ. Черемша (дикій чеснокъ) играетъ громадную роль въ гигиеническомъ отношеніи, служитъ лучшимъ противу-цинготнымъ средствомъ. Сарана (изъ семейства лилейныхъ), луковича котораго служитъ лакомымъ блюдомъ на кухнѣ туземца айно. Дымянка или по туземному хакка-ке-тома, корневыя шишки котораго, по наружному виду, напоминаютъ картофель, но размѣрами менѣе обыкновеннаго орѣха. Употребляемый туземцами въ пищу бамбукъ встрѣчается въ отрогахъ западнаго хребта, но значительной толщины не достигаетъ, рѣдко бываетъ толще мизинца. Не станемъ поименовывать множество другихъ видовъ, такъ какъ въ одномъ южномъ районѣ Сахалина насчитывается агрономомъ г-мъ Мицулемъ до 100 семействъ. «Средній районъ, если и представляетъ разницы, — какъ говоритъ Мицуль — сравнительно съ южнымъ райономъ, то эта разница выражается главнымъ образомъ въ отношеніи распредѣленія разнообразныхъ формъ растительности.»

Растительность сѣвернаго Сахалина несравненно бѣднѣе и ближе всего подходитъ къ флорѣ береговыхъ странъ Охотскаго моря и Камчатки.

Такъ какъ распространеніе видовъ животнаго царства находится въ прямой зависимости отъ климатическихъ условій края и отъ богатства его флоры, а южный и средній Сахалинъ пользуются и хорошимъ умѣреннымъ климатомъ, и разнообразіемъ растительности, то неудивительно, что совокупность этихъ благопріятныхъ условій отражается и на фаунѣ острова.

Изъ млекопитающихъ первое мѣсто занимаетъ чернобурый медвѣдь, достигающій громадныхъ размѣровъ. Онъ водится повсемѣстно; подверженъ спячкѣ, въ которую залегаетъ въ концѣ октября и выходитъ въ началѣ апрѣля, почти одновременно съ появленіемъ у береговъ острова селедки. Лисица красная водится вездѣ во множествѣ; чернобурая же попадается очень рѣдко и то на сѣверѣ. Соболь водится повсемѣстно, но на югѣ мѣхъ его свѣтлѣе, а потому малоцѣненъ. Вѣкша и заяцъ бѣлякъ водятся повсемѣстно. Сѣверный олень и кабарга держатся преимущественно въ сѣверной и средней частяхъ острова. Волкъ держится въ хребтахъ и рѣдко подходитъ къ жилью. Горностай и бурундучокъ попадаются въ незначительномъ количествѣ. Изъ морскихъ звѣрей, по степени приносимой пользы, первое мѣсто занимаетъ нерпа (тюлень) водится во множествѣ, какъ въ моряхъ, такъ и въ прѣсоленыхъ озерахъ.

Дельфинъ (касатка тоже видъ дельфина) отличается кровожадностью и смѣлостью, стадами нападаютъ даже на кита. Затѣмъ слѣдуютъ цари морей: сивучъ или морской левъ и китъ изъ семейства кашалотовъ; послѣдній рѣдко превышаетъ 40 футовъ длины.

Пернатыми Сахалинъ также богатъ, какъ и пушнымъ звѣремъ, въ особенности много птицы появляется въ весеннее время года. Моря и бухты покрываются несмѣтнымъ количествомъ утокъ, чаекъ, урыловъ, альбатросовъ, а озера и бухты служатъ пріютомъ громаднымъ стадамъ гусей и лебедей.

Изъ преобладающихъ видовъ птицы назовемъ: рябчикъ водится въ лѣсахъ въ изобиліи. Куропатка бѣлая держится преимущественно въ средней и сѣверной частяхъ острова. Дроздъ и кукушка водятся повсемѣстно. Ворона черная держится около жилья. Филинъ-пугачъ, дятель, синица и множество другихъ лѣсныхъ птицъ мелкихъ породъ. Изъ болотной птицы водится бекасъ и разные виды куликовъ.

Изъ рѣчныхъ и морскихъ птицъ первое мѣсто занимаетъ лебедь, затѣмъ слѣдуетъ гусь и рѣчная утка; на птицъ этихъ ведется дѣятельная охота ради вкуснаго мяса. Изъ морскихъ же птицъ альбатросы, урылы и чайки въ пищу не употребляются, а утокъ хотя и ѣдятъ, но онѣ на вкусъ непріятны, потому что сильно пахнутъ рыбой.

Богатая растительность, изобиліе пушного звѣря и птицы, безъ сомнѣнія, играютъ важную роль въ устройствѣ домашняго быта обитателей острова, но насущный, такъ сказать, хлѣбъ даютъ туземцу море и рѣки, кишация самыми разнообразными видами рыбъ.

Нѣкоторые второстепенные виды водятся постоянно, другіе же появляются периодически въ извѣстное время года и заходятъ въ рѣки для метанія икры. Изъ послѣднихъ самое выдающееся мѣсто занимаетъ селедка, которая, впрочемъ, въ рѣчки не заходитъ, а, приближаясь къ берегамъ, держится около шхеръ, гдѣ и выпускаетъ икру и молоки.

Горбуша (*Salmo gibbosus*)—видъ лосося, подымается для метанія икры вверхъ по теченію, какъ главныхъ рѣкъ, такъ даже и небольшихъ рѣчекъ. Идетъ обыкновенно громаднымъ ружьемъ до самыхъ верховьевъ рѣки; здѣсь, за невозможностью двигаться дальше, она скопляется въ водомошняхъ, гдѣ дѣлается добычей медвѣдя или гибнетъ естественной смертію. Чавича (*Salmo orientalis*)—тоже изъ семейства лососей; достигаетъ 1½ аршина длины; появляется нѣсколько ранѣе горбуши и идетъ не въ такомъ большомъ количествѣ. Кета—видъ семги идетъ такими же массами, какъ и горбуша, и заходитъ во всея главные рѣки. Огуречникъ, или то, что мы называемъ рянушкой, появляется весною вмѣстѣ съ селедкой; самостоятельнымъ же ходомъ идетъ въ концѣ ноября и заходитъ въ бухты и рѣчки. Треска водится преимущественно въ Татарскомъ проливѣ на большихъ глубинахъ. Камбала держится въ бухтахъ, любитъ илистый грунтъ; появляется въ бухтѣ лососей (въ заливѣ Анива) въ концѣ декабря въ огромномъ количествѣ. Въ заливѣ же Анива на большихъ глубинахъ ловится огромной величины палтусъ. Вахня (павага) ловится въ большомъ количествѣ какъ по восточному берегу южнаго и средняго, такъ и по западному берегу средняго и сѣвернаго Сахалина. Быкъ-рыба замѣчательна по своей огромной головѣ и короткому, относительно, туловищу. Въ отваренномъ видѣ очень пріятна на вкусъ. Красноперъ—видъ форели; водится во всехъ рѣчкахъ. Налимъ встрѣчается во всехъ озерахъ, бухтахъ и рѣчкахъ. Линь водится постоянно и повсемѣстно. Корюшка (у туземцевъ аракой) ловится преимущественно въ лиманѣ Сиська и на протокахъ рѣки Пльи.

Фауна средняго Сахалина въ общихъ чертахъ мало отличается отъ фауны южнаго района; на сторонѣ послѣдняго преимущество въ обиліи и разнообразіи различныхъ рыбныхъ породъ. Изобиліемъ рыбы славятся въ средней части и на сѣверѣ рѣки Пльи и Тымъ; здѣсь кета и горбуша подымаются до самыхъ истоковъ и кормятъ довольно густое населеніе, обитающее въ верховьяхъ и по притокамъ названныхъ рѣкъ. Въ лиманѣ рѣки Тымъ заходитъ осетръ, который встрѣчается довольно часто въ лиманѣ Пльи.

Второстепенные виды рыбъ, составляющихъ постоянное населеніе рѣкъ и озеръ, тѣже, что и въ южной части острова.

Изъ краткаго очерка природы и климата Сахалина видно, что мѣстные жители имѣютъ подъ рукой все необходимое, чтобы обезпечить свой неприхотливый бытъ.

Въ этнографическомъ отношеніи островъ Сахалинъ слѣдуетъ разбить на южную и сѣверную части, принимая за границу селеніе Тарайку, на берегу Охотскаго моря, и селеніе Уссуро, на берегу Татарскаго пролива. Дѣленіе это основано на томъ, что вся южная часть Сахалина населена исключительно племенемъ айно, которое рѣзко отличается отъ разнохарактернаго населенія сѣвера.

Аино—коренные жители острова и многими признаются племенемъ монгольскаго происхожденія; нѣкоторые же ученые относятъ ихъ къ курильской расѣ кавказскаго вида. Кромѣ Сахалина, племя айно составляетъ коренное же населеніе острова Матема и острововъ Кунашира и Итурупа. На Матемаѣ считаютъ ихъ до 30,000, а на двухъ послѣднихъ островахъ—2500 душъ. На Сахалинѣ, по японскимъ ревизіоннымъ книгамъ 1860-хъ годовъ, считалось всего 3,000 душъ айно обоего пола; но за послѣдніе годы незначительная цифра эта и еще

сократилась, вслѣдствіе различныхъ повальныхъ болѣзней, опустошившихъ самыя людныя поселенія, такъ что въ 1870 году мы опредѣляли коренное населеніе южнаго Сахалина въ 2,200 душъ обоего пола.

Главнымъ источникомъ существованія туземца является то, что даетъ ему море; по этому и поселенія айно разбросаны по побережьямъ острова, причемъ наиболѣе людныя расположены именно тамъ, гдѣ богатые рыбныя уловы.

Общій видъ айно, поражая васъ съ перваго взгляда оригинальностью, немедленно вслѣдъ затѣмъ вызываетъ и полную къ нему симпатію. Открытое лицо, добрые черные глаза, не лишеныя выраженія природной смѣлности, черная же борода дѣлаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно красивыми мужчинами.

Вообще же у айно цвѣтъ лица из-желта смуглый, скулы нѣсколько выдаются, углы глазъ слегка приподняты, губы толстыя, носъ рѣдко правильный, большею частью мясистый.

Женщины по наружности несравненно хуже мужчинъ. За немногими исключеніями, природа наградила ихъ крупными и неправильными чертами лица, толстыя же губы изуродованы кромѣ того окраскою въ черный цвѣтъ. Хороши только большіе глаза да руки и ноги, которыми позавидовала бы любая европейка. У мужчинъ и у женщинъ цвѣтъ волосъ совершенно черный,—какъ крыло ворона; у женщинъ волосы прямые и грубые, а у мужчинъ иногда вьются. Айно-мужчины переднюю часть головы брѣютъ вплоть до линіи ушей, отбрасывая остающуюся часть волосъ на затылокъ. Эта мода придаетъ на видъ головѣ размѣры больше дѣйствительныхъ. Женщины дѣлаютъ проборъ по срединѣ головы, а для того, чтобы волосы не падали на лицо и глаза носятъ обручъ. Мода окрашиванья губъ у айнокъ сопряжена съ большими неудобствами и даже физическими страданіями, но, къ сожалѣнію, не выводится. Губы красятъ только въ извѣстный возрастъ дѣвушки, подлежащія замужеству; съ этою цѣлью небольшимъ ножикомъ (макири) дѣлаютъ на губахъ насѣчки и затѣмъ израненныя губы тщательно натираются сажей отъ котловъ. Первые два, три дня губы такъ распухаютъ, что мѣшаютъ ѣсть, но затѣмъ опухоль опадаетъ и губы принимаютъ черно-сизый оттѣнокъ.

Одежда айно состоитъ изъ халата, замѣняющаго рубашку и сшитаго изъ какой нибудь бумажной матеріи, и кафтановъ собственнаго издѣлія, матерія для которыхъ выдѣлывается изъ

Семейство сахалинскихъ айновъ.

луба горнаго вяза; въ ненастную же погоду надѣваются халаты, сшитые изъ весьма прочныхъ рыбьихъ шкуръ. Въ зимнее время поверхъ нѣсколькихъ халатовъ на ватѣ носятъ шубу изъ нерпичьихъ или собачьихъ шкуръ и такіе же шаровары. На ноги надѣваютъ лѣтомъ, своего же издѣлія, соломенные сандалии или сапоги, сшитые изъ рыбьихъ шкуръ, а зимою—сапоги же, но изъ кожи нерпы или сивуча. Головного убора лѣтомъ не носятъ совсѣмъ, а зимою надѣваютъ теплую ватную шапку, опушенную лисицей. Затѣмъ, необходимую принадлежность костюма айно составляютъ небольшіе ножи, прикрѣпленные къ поясу. У женщинъ одинъ ножъ кривой служитъ для сбора различныхъ травъ. Къ поясу же прикрѣплены кисеть съ табакомъ и огниво. Достаточныя молодыя женщины и дѣвушки носятъ пояса, украшенные множествомъ мѣдныхъ бляхъ. На рукахъ носятъ браслеты, а пальцы унизаны мѣдными и серебрянными кольцами.

Лѣтомъ айно живутъ въ юртахъ, устроенныхъ изъ древеснаго корья съ деревянными раздвижными дверями и деревянными нарами по бокамъ. Полъ тоже изъ тоненькихъ досокъ, а посрединѣ устроенъ земляной очагъ, надъ которымъ вырублено окно для дыма. Надъ очагомъ протянуты жерди для копченія рыбы, а надъ нарами устроены деревянные полки для храненія платья и различнаго домашняго скарба. У стѣны, противоположной входнымъ дверямъ, разставлены кадки и лакированные ковши, полученные отъ японцевъ въ уплату за работы.

Зимой большинство населенія остается въ тѣхъ же юртахъ; но для того, чтобы предохранить себя хотя нѣсколько отъ холода, укутываютъ юрту камышомъ, что, впрочемъ, не особенно помогаетъ, и при малѣйшемъ вѣтрѣ температура внутри юрты мало чѣмъ разнится отъ наружной. Морозъ въ юртѣ доходитъ иногда до десяти градусовъ.

Для храненія вяленой рыбы устроены тутъ же у юрты небольшіе амбарчики на высокихъ столбахъ; столбы предохраняютъ отъ набѣга огромныхъ крысъ, которыя водятся во множествѣ въ каждомъ селеніи. Только выше поста Мануэ, гдѣ холода въ зимнее время несравненно сильнѣе, айно удаляются въ землянки, которыя строятся всегда въ лѣсу и по возможности ближе къ лѣтнему жилью. На очагѣ огонь поддерживается постоянно и вокругъ него группируется вся семья, непрерывно покуривая свои небольшія трубочки японскаго издѣлія.

Разговорный языкъ мягокъ и не лишенъ пріятности для слуха въ особенности, если разговоръ ведется спокойно; при спорѣ же крикливые гортанные звуки производятъ непріятное впечатлѣніе. Языкъ айно, судя по нѣкоторымъ именамъ собственнымъ и названіямъ урочищъ и селеній, долженъ имѣть сходство съ курильскимъ. Письменности айно не имѣютъ, а исторія племени сохраняется въ передающихся изъ поколѣнія въ поколѣніе преданіяхъ.

Нравомъ айно кротки и миролюбивы; если и бываютъ между ними ссоры, то чрезвычайно рѣдко, да и самыя-то ссоры имѣютъ мѣсто развѣ на какомъ-нибудь праздникѣ, подъ вліяніемъ выпитаго вина.

Въ обращеніи своемъ съ домашними, отецъ семейства безукоризненъ. Въ этомъ отношеніи полудикій айно стоитъ, пожалуй, выше европейца. Айно—одноженцы и только рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ двухъ женъ.

Религія айно—многобожіе. Первымъ и главнымъ божествомъ слѣдуетъ считать «Муссири-сисъкасьма-каммуи» или въ буквальномъ переводѣ: «муссири»—островъ «сисъкасьма»—охраняющій и «каммуи»—богъ; слѣдовательно—«богъ, охраняющій островъ». Богъ этотъ особенно чтится туземнымъ населеніемъ на томъ основаніи, что обитаетъ въ нѣдрахъ земли и, въ случаѣ гнѣва противъ жителей, стоитъ ему только повернуться, чтобы наказать людей жесто-чайшимъ образомъ. «Горы разсѣдаются, дома разрушаются, деревья падаютъ, и море кипитъ, какъ кипятокъ», такъ объясняютъ шаманы-айно горестныя послѣдствія неудовольствія почтаемаго ими божества. Созданіе же въ фантазіи туземцевъ подобнаго Бога объясняется очень просто: Сахалинъ происхожденія вулканическаго и въ прежнія времена подверженъ былъ

частымъ землетрясеніямъ, что свидѣтельствуется японскими лѣтописями, которыя велись съ чрезвычайною точностью.

Вторымъ божествомъ, притомъ почти равнымъ по уваженію первому, считаютъ «Рисста-Каммуи» или «Чуфъ-Каммуи», то есть «Рисста»—верхній и Чуфъ—солнце, или другими словами: «богъ неба и солнца». Въ честь этого божества дѣлаются жертвоприношенія. За этими двумя первостепенными слѣдуютъ уже боги второстепенные, подчиняющіеся «богу неба и солнца», а именно: Атуй-каммуи—богъ моря, Нибури-каммуи—богъ горъ, Най-каммуи—богъ рѣкъ и Унжи-каммуи—богъ огня. Всѣмъ этимъ божествамъ приносятся жертвоприношенія самаго оригинальнаго свойства, носятъ они названіе инау. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: айно беретъ прямой сукъ какого нибудь дерева, очищаетъ его отъ коры и затѣмъ чрезвычайно искусно, ножичкомъ, стружетъ, отдѣляя отъ поверхности (но не отрѣзывая совершенно) тонкія ленты, которыя затѣмъ группируются въ родѣ букета около одной изъ оконечностей сруб-

ленного сучка. Противуположный конецъ заостряется, а остающійся стержень украшается разными срѣзами и зазубринами, или же и еще стружется, причемъ ленты ниспадають отъ букета стружекъ, украшающаго верхній конецъ инау до нижняго его заостренного конца. Такимъ образомъ въ самое короткое время при помощи небольшого ножа, изъ простой палки получается фантастическая, не лишенная оригинальности фигура. Къ серединѣ стержня инау, приносимаго въ жертву богу солнца, придѣлывается овальное кольцо съ ниспадающими по обѣ стороны букетами стружекъ. Вообще всякому божеству приносится въ жертву своеобразной формы инау. Я полагаю, что инау въ религій айно играетъ такого же рода роль, какъ наши восковыя свѣчи, устанавливаемыя къ иконамъ. Что изображаютъ инау, достовѣрно сказать трудно, но сколько можно заключить изъ названій отдѣльныхъ составныхъ частей, инау есть изображеніе человѣческой фигуры. Инау устанавливаются въ предназначенныхъ для каждаго божества мѣстностяхъ, такъ инау, приносимыя богу солнца и достигающія иногда двухъ сажennaго размѣра, устанавливаются обыкновенно сзади самой юрты. Кромѣ на-

Сахалинскіе айны.

званныхъ боговъ, по религій айно, существуютъ еще и два злыхъ духа, невидимо присутствующихъ на землѣ и производящихъ всевозможныя бѣдствія. Изъ нихъ Оясси—источникъ всевозможныхъ болѣзней и Венуясси—источникъ сумашествія и припадковъ бѣшенства. Отъ Оясси можно еще избавиться при помощи шамановъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ исполняютъ обязанности докторовъ; съ Венуясси же справиться потруднѣе; особенно же если онъ успѣлъ уже вселиться въ человѣка. За божествомъ слѣдуютъ священныя животныя, къ нимъ принадлежатъ: 1) медвѣдь, котораго айно боготворятъ, какъ древніе египтяне, напримѣръ, быка, съ тою только разницей, что медвѣдь приносится ими въ жертву богу горъ, т. е. убивается въ день праздника «Горнаго бога» и затѣмъ съѣдается и 2) касатка—хищное морское животное, изъ породы дельфиновъ. Вообще айно готовъ отдать дань уваженія всему, что олицетворяетъ собою сверхъестественную силу, или тому, что для его бѣдной неразвитой головы кажется необъяснимымъ. Кромѣ инау, устанавливаемыхъ въ честь поименованныхъ боговъ, ставятъ

ивау и надъ могилами умершихъ, но ставятъ не ранѣе какъ черезъ три-четыре года по смерти, то есть, когда опредѣлится положеніе покойнаго на томъ свѣтѣ. По вѣрованіямъ айно, три или четыре года душа скитается въ мірѣ и преимущественно по сосѣдству со своимъ домашнимъ очагомъ. Вообще, айно твердо вѣруютъ въ будущую жизнь, но предполагаютъ ее не на небесахъ, а очень-очень глубоко въ нѣдрахъ земли, въ такъ называемомъ «Похио-Сири-Котанъ», причемъ праведники наслаждаются всевозможными благами, грѣшники же подвергаются различнымъ истязаніямъ, причемъ всякому преступленію соотвѣтствуетъ извѣстнаго рода наказаніе: лжецамъ, напримѣръ, прижигаютъ языки раскаленнымъ желѣзомъ.

При свадьбахъ никакихъ обрядностей не соблюдается и все дѣло ограничивается домашней пирушкой.

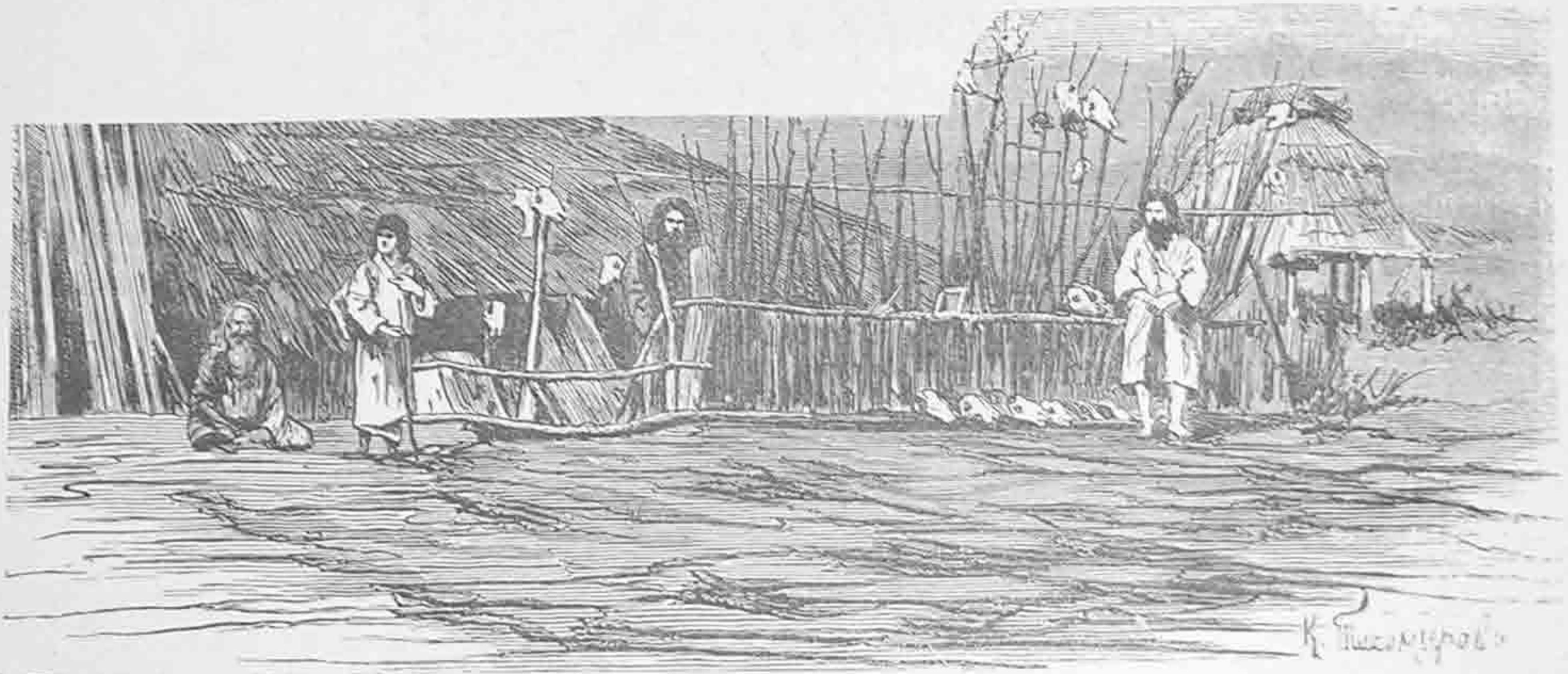
Жрецы айнского вѣроисповѣданія—шаманы, такъ что, собственно говоря, айно придерживаются шаманизма. Отношенія паствы къ законоучителямъ крайне просты; никакихъ особенныхъ знаковъ почитанія и уваженія, даже и къ извѣстнымъ на островѣ шаманамъ, вы не встрѣтите. Въ обыкновенное непраздничное время, шаманы ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ смертныхъ, одѣваются такъ-же просто, если не хуже, чѣмъ обыкновенные айно. Но были между ними и такіе, которые пользовались громкой извѣстностью и привлекали на свои сеансы, не окрестное только населеніе, но и населеніе всего острова. Изъ такихъ фокусниковъ былъ одинъ шаманъ «Пепутто», который доходилъ до такого искусства, что позволялъ стрѣлять въ себя изъ лука на разстояніи 15—20-ти шаговъ и затѣмъ возвращалъ стрѣлу обратно, вынимая ее то изъ-за пазухи, то изъ сапога. Кромѣ шамановъ существуютъ и шаманки; онѣ замѣняютъ при случаѣ акушеровъ.

Погребеніе умершихъ производится при слѣдующаго рода обрядностяхъ: прежде всего покойнаго одѣваютъ и затѣмъ обвертываютъ съ ногъ до головы въ заготовленные для того матеріи (у богатыхъ) или же въ какое нибудь тряпье (у бѣдныхъ). Затѣмъ, уложивъ тѣло на нары, родные и знакомые покойнаго начинаютъ выть и причитывать. Роль эта выпадаетъ обыкновенно на долю женщинъ, мужчины же помнятъ покойнаго доброй чашкой мѣстнаго вина.

Взрослаго мужчину хоронятъ при всѣхъ принадлежностяхъ его земной жизни, то есть кладутъ съ нимъ саблю, если таковая имѣется, и трубки съ кисетами и табакомъ. Женщинъ же кладутъ въ могилу съ котелками, ложечками и различною домашнею утварью. Вырывая могилу, не глубже 1½—2-хъ аршинъ отъ поверхности земли, айно опускаютъ на дно могилы соломенную циновку, на которой и помещаютъ умершаго навзничъ, а затѣмъ приставляютъ къ покойнику двѣ боковыя доски и прикрываютъ его крышкой такой фигуры, что съ боковинами все устройство очень и очень напоминаетъ нашъ простой деревянный гробъ. Въ обыкновенное не праздничное время у айно не существуетъ ни общественныхъ игръ, ни увеселеній; все это относится къ днямъ праздничнымъ, сопряженнымъ съ какими нибудь религиозными обрядностями. Наиважнѣйшимъ изъ такихъ религиозныхъ торжествъ слѣдуетъ считать праздникъ медвѣдя, который совершается обыкновенно въ полнолуніе декабрьскаго мѣсяца. Праздникъ этотъ имѣетъ тѣмъ болѣе интереса, что на него стекаются айно не только окрестныхъ селеній, но пріѣзжаютъ иногда на собакахъ за сто и болѣе верстъ. Сѣзжаются гости дня за два до праздника, тогда же начинается угощеніе и танцы. Многолюдное общество мужчинъ располагается около очаговъ отдѣльнымъ кружкомъ, а женщины и дѣвушки сидятъ отдѣльно. Угощаютъ въ продолженіе цѣлаго дня, подаютъ рисъ, сарану, влѣную и копченую рыбу и, какъ лакомство, клюкву съ перничьимъ жиромъ. Пьютъ очень часто рисовую водку и своего издѣлія амама-саки, айнская рисовая водка, кисловатый густой напитокъ, напоминаетъ съ виду рисовый же шоре. На вкусъ напитокъ не дуренъ, но видѣть приготовленіе неприятно: рисъ отвариваютъ, прибавляютъ туда солоду и затѣмъ, переливъ въ деревянную кадну, укутываютъ послѣднюю собачьими или перничьими шкурами, давая такимъ образомъ ри-

совому отвару закваситься и перебродить. Черезъ 3 или 4 дня, хозяйка беретъ простую кадку, накладываетъ на нее рѣшето и, наполнивъ послѣднее перебродившею кашей, выжимаетъ и растираетъ ее руками. Рѣшето пропускаетъ густую бѣлую жидкость или густую амама-саки (рисовую водку). Во всей этой процедурѣ хуже всего то, что хозяйка передъ тѣмъ, чтобы гнать водку и не подумаетъ вымыть рукъ, или лучше сказать, она тутъ то ихъ и моетъ, ибо, начиная дѣло грязными руками, она кончаетъ его чистыми; грязь уходитъ въ водку.

Въ девятомъ часу начинаются пѣсни и танцы; хоръ очень немудреный, это не пѣснь даже, а какой-то дикій припѣвъ и повтореніе однихъ и тѣхъ же гортанныхъ звуковъ: часть хора издаетъ и тянетъ звукъ Ioo-Ioo-Ioo и такъ далѣе безъ конца, другая же часть—по басистѣе—отрывистый звукъ Имъ-Имъ-Имъ... При танцахъ кружокъ встаетъ, берется за руки и съ тѣмъ же припѣвомъ топчется на мѣстѣ; топчутся, топчутся, затѣмъ присѣдаютъ два раза и принимаютъ шагъ въ сторону справа налѣво или слѣва направо. При первомъ танцѣ кружокъ держится за руки и тянетъ звукъ Ioo-Ioo-Ioo... другой же разъ не держится за руки, но танцуетъ такимъ же образомъ съ припѣвомъ Ioo-Ioo... Имъ-Имъ... и при звукѣ Имъ, Имъ, всѣ въ тактъ прихлопываютъ въ ладоши, иногда танцующіе быстро мѣняются мѣстами. Балъ кончается самымъ своеобразнымъ образомъ около 11-ти часовъ вечера: танцуютъ добрыхъ

Послѣдствія медвѣжьихъ праздниковъ у айновъ.

полчаса безъ отдыха и затѣмъ съ громкимъ крикомъ «Имъ!» всѣ разомъ выбѣгаютъ изъ юрты. Женщины расходятся спать по сосѣднимъ юртамъ, а въ юртѣ хозяина остаются только гости мужчины. Съ вечера, наканунѣ самаго торжества, юрту стараются убрать какъ можно наряднѣе: по стѣнамъ развѣшиваютъ парадные парчевые халаты и сабли, которыя особенно цѣнятся туземцами. Угощеніе и пляски продолжаются до разсвѣта, а на разсвѣтѣ множество мужчинъ и женщинъ окружаютъ клѣтушку медвѣдя, ложатся на землю ничкомъ и начинаютъ выть и оплакивать его предстоящую кончину. Одновременно съ тѣмъ распорядители праздника занимаются приготовленіями къ принесенію въ жертву медвѣдя. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ за юртой хозяина насаживаютъ полукругомъ рядъ елокъ, въ полукругѣ устанавливаютъ въ одну линію нѣсколько прочныхъ инау и на нихъ натягиваютъ циновки, образуется что-то въ родѣ драпри, по которому развѣшиваютъ парадные и халаты сабли. Нѣсколько отступя ближе къ юртѣ, вбиваютъ въ землю двухъ-саженный прочный инау, къ которому и привязываютъ медвѣдя. Въ общемъ выходитъ очень не дурно и оригинально. Всего труднѣе связать медвѣдя и притащить его къ мѣсту жертвоприношенія; съ этою цѣлью заготовляютъ длинные ремни изъ сивучей кожи, на концѣ каждого ремня устроена широкая петля, которую на палкѣ просовываютъ въ клѣтушку, въ тоже время съ противоположной стороны раздражаютъ медвѣдя шестами; все искусство состоитъ въ выборѣ момента для того, чтобы накинуть петлю,

охвативъ ею медвѣдя поперегъ живота, слѣдовательно, голова и переднія ноги должны проскочить въ петлю. Нѣсколько айно взбираются одновременно на крышу клѣтушки съ тѣмъ, чтобы разобрать и сбросить верхнія бревна, какъ только удастся спутать медвѣдя. Возня при этомъ страшная, крики, шумъ и гвалтъ невыразимые. Долго мучаются сами и мучаютъ звѣря, пока накинута таки петлю; медвѣдь барахтается, отбивается лапами, сломаетъ нѣсколько палокъ, пока не попадетъ таки въ петлю. Во все время борьбы женщины продолжаютъ выть и причитывать. Какъ только часть верхнихъ бревенъ скинута, медвѣдь устремляется въ отверстіе, а айно, раскидывающіе крышу, ухватившись за концы ремней, бросаются въ сторону, удерживая такимъ образомъ звѣря на мѣстѣ, а человекъ десять смѣльчаковъ вскакиваютъ на мишку верхомъ, держатъ за уши и убираютъ различными соломенными украшеніями; затѣмъ, разукрасивъ, тащатъ къ мѣсту приношенія съ дикимъ припѣвомъ: Огу-го! Огу-го! Огу-го!.. Вотъ ужъ буквально бѣдному мишкѣ—ни вправо, ни влево, бросится вправо мѣшаютъ люди, которые крѣпко держатъ одинъ изъ ремней съ лѣвой стороны, бросится влево,—держатъ справа. Такимъ образомъ, весьма торжественно, его дотаскиваютъ до столба и прикрѣпляютъ къ послѣднему ремнями. Туда же перетаскиваютъ разнообразное угощеніе и вино. Наконецъ, когда медвѣдя окончательно спутаютъ, то одинъ изъ старѣйшихъ шамановъ беретъ въ руки полуторасаженный инау и гозоритъ надъ медвѣдемъ что-то въ родѣ молитвы.

Послѣ чтенія молитвы, къ медвѣдю подходитъ пользующійся извѣстностью стрѣлокъ и, выбравъ удобную минуту, посылаетъ ему стрѣлу подъ лѣвую лопатку съ такой силой и ловкостью, что агонія звѣря продолжается всего нѣсколько секундъ: сначала хлынетъ кровь пастью и затѣмъ несчастный мишка, повалившись на бокъ, кончаетъ свое существованіе. Тогда нѣсколько айно припадаютъ къ нему головами и начинаютъ рыдать и причитывать; это продолжается, впрочемъ, недолго.

Оплакавъ медвѣдя, его раскладываютъ на животъ, расправивъ голову и лапы; затѣмъ голову убираютъ соломенными украшеніями, къ ушамъ приставляютъ что-то на подобіе наушниковъ, а поперегъ спины кладутъ саблю и соломенный кулекъ съ рисомъ и сараной; шлею же, которой былъ украшенъ корпусъ медвѣдя, сняли и привѣсили къ столбу. Сейчасъ послѣ того началось и угощеніе. Медвѣдь лежалъ убранымъ не долго; черезъ какихъ нибудь четверть часа украшенія съ него сняли и стали сдирать шкуру. Остальная затѣмъ часть праздника не представляетъ интереса; медвѣдя рубятъ на куски, варятъ въ котлахъ и затѣмъ съѣдаютъ, причемъ начинается повальное пьянство. Торжество заканчивается, наконецъ, тѣмъ, что черепъ медвѣдя начиняютъ клюквой, сараной и еще чѣмъ-нибудь изъ съѣдобнаго, затѣмъ относятъ въ лѣсъ и привѣшиваютъ къ одной изъ группъ инау, посвященныхъ Горному богу. Мясо медвѣдя употребляется въ пищу, какъ мужчинами, такъ и женщинами, обыкновеннаго же мяса, т. е., нашей говядины женщины не ѣдятъ, такъ какъ между ними существуетъ повѣрье, что отъ этого мяса можно лишиться плодовитости. Обрядъ подвѣшиванья черепа медвѣдя къ инау Горнаго бога соблюдается не только по окончаніи «праздника медвѣдя», но и при всякомъ случайномъ убіеніи звѣря. Такъ, 19-го Іюля 1868-го года, ко мнѣ явилась цѣлая депутація айно съ просьбою о выдачѣ головы медвѣдя, убитаго два за два, за три нашими поставыми солдатами. Выданную голову начинили разной дрянью и отнесли тутъ же по сосѣдству въ лѣсъ.

Главную пищу айно составляетъ рыба всевозможныхъ породъ, которую ѣдятъ лѣтомъ въ свѣжемъ видѣ, а въ остальное время года вяленую и копченую; затѣмъ слѣдуетъ рисъ, получаемый отъ японцевъ, какъ плата за работу; сарана (луковица всѣхъ видовъ лилейныхъ растений), различнаго рода травы, всякаго вида раковины, морскіе ежи, трепанги и карака-тицы. Лакомымъ же блюдомъ считается медвѣдь, тюлень, китовина и собака.

Кромѣ того айно выдѣлываютъ рисовую водку, но весьма слабую, такъ что своему издѣлію они предпочитаютъ японскую саки (тоже водку), въ особенности же русскій спиртъ,

которымъ и напиваются до пьяна при каждомъ удобномъ случаѣ. Дѣломъ сообщеніе между селеніями поддерживается на небольшихъ валкиихъ лодчонкахъ, выдолбленныхъ изъ цѣлаго дерева, а зимою ѣздятъ на собакахъ, которыхъ всякій хозяинъ держитъ, какъ упряжныхъ животныхъ.

Японцамъ знакомъ былъ Сахалинъ гораздо ранѣе русскихъ, но утвердились они на островѣ не болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Крузенштернъ засталъ уже въ заливѣ Анива селеніе Кусунъ-Котанъ, существующее и понынѣ.

Японцы поселились на островѣ съ цѣлью вести рыбопромышленность въ обширныхъ размѣрахъ, заняли лучшія бухты и рѣчки и, подчинивъ себѣ туземное населеніе, старались сгруппировать его около своихъ факторій, какъ необходимую рабочую силу.

Такимъ образомъ образовались самыя цвѣтуція айно-японскія поселенія: на югѣ—Кусунъ-Котанъ, на западѣ, у береговъ Татарскаго пролива,—Мауке и Уссуро, у береговъ Охотскаго моря—Тунайча и Сирара.

До послѣдняго трактата, которымъ японцы уступили островъ Сахалинъ Россіи, айно несли обязательный трудъ и получали за свои работы весьма незначительное вознагражденіе, такъ

еще въ 1860-хъ годахъ взрослый работникъ обходился японскимъ предпринимателямъ не свыше 60-ти исебу въ годъ, такъ какъ исебу = 45 копѣйкамъ то, значитъ, годовой заработокъ айно составлялъ 27 рублей на наши деньги. Съ занятіемъ южнаго Сахалина русскими военными постами, японцы нѣсколько повысили заработную плату.

Западный берегъ Сахалина отъ послѣдняго айнскаго поселенія Уссуро до поста Дуэ и далѣе къ сѣверу заселенъ гиляками, выходцами съ Амура. Гиляками же заселены верховья рѣки Пльи и долина рѣки Тымъ до самаго впаденія послѣдней въ Охотское море. Низовья же и среднее теченіе рѣки Пльи заселены

Типы гиляковъ на Сахалинѣ.

орочанами. Кромѣ того, въ сѣверной части острова кочуютъ звѣропромышленники якуты и тунгусы, послѣдніе держатъ оленей. Оленеводствомъ же занимаются и нѣкоторые орочане, обитающіе по притокамъ рѣки Пльи. Гиляки же западнаго берега занимаются преимущественно рыболовствомъ и пушнымъ промысломъ.

Образъ жизни, нравы, обычаи и религія сахалинскаго гиляка и орочана совершенно сходны съ образомъ жизни ихъ единоплеменниковъ, обитающихъ по теченію Амура.

Почти исключительнымъ средствомъ къ жизни айно служитъ рыбопромышленность, звѣроловство же отодвигается на 2-й планъ.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ видовъ рыбы, которыми такъ богаты окружающія острова моря, по важности и развитію промысла первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, селедкѣ.

Селедка приближается къ берегамъ обыкновенно въ 20-хъ числахъ апрѣля. Нужно быть очевидцемъ явленія, чтобы вѣрить въ возможность такого громаднаго обилія рыбы.

Полоса моря въ нѣсколько верстъ протяженія и версты на 2 на 3 отъ берега принимаетъ молочно-зеленоватый оттѣнокъ отъ бьющейся рыбы. Въ этихъ же границахъ держатся стада сивучей и множество китовъ, съ шумомъ выбрасывающихъ свои фонтаны; тутъ же высовываются хорошенькія головки тюленей, бойко и скоро проходитъ касатка, выставляя

спину съ треугольнымъ острымъ плавникомъ и, наконецъ, стаи морскихъ птицъ съ произношеніемъ визгомъ кружатся надъ поверхностью моря. Добавьте къ этому усиленную работу самой оригинальной кипучей жизни.

Туземный способъ улова сельдей до крайности простъ: айно врѣзывается на своихъ лодченкахъ въ самую средину руна, выгребаетъ рыбу обыкновеннымъ сачкомъ, нагружаетъ такимъ образомъ въ короткое время все свои лодки; затѣмъ отводитъ ихъ къ берегу, выгружаетъ и вторично направляется къ мѣсту улова и т. д., до тѣхъ поръ, пока не будутъ сдѣланы запасы на предстоящую зиму, какъ для семьи, такъ и для вѣдвыхъ собакъ. Приготовление сельдки впрокъ состоитъ только въ томъ, что очищенную отъ внутренностей рыбу связываютъ пучками и затѣмъ развѣшиваютъ на жердяхъ подъ открытымъ небомъ. Если погода благоприятствуетъ и дождливыхъ дней мало, рыба, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, вывяливается въ 5-ть 6 недѣль, затѣмъ снимается съ жердей и складывается въ амбары.

Обиліе сельдки было главною причиною захвата южной части Сахалина японцами.

Къ работамъ на селедочныхъ заводахъ привлекалось все способное, какъ мужское, такъ и женское населеніе айно. Устройство самого завода немногосложно: побережье мѣстности, предназначенное подъ заводъ, совершенно плотно утрамбовывается, затѣмъ по всей линіи побережья выкапываются квадратныя ямы, аршина въ $2\frac{1}{2}$ длины и аршина въ два ширины, въ ямахъ устраиваютъ каменные печи, въ которыя вмазываются чугунные котлы емкостью до 15 ти ведеръ. Около каждаго котла помещается ящикъ, сколоченный изъ брусьевъ, причемъ между брусьями оставляется пространство, достаточное для стока селедочнаго жира; при каждомъ ящикѣ устроенъ обыкновенный воротъ, необходимый для прессовки вываренной сельдки; воротъ приводится въ движеніе двумя, а иногда и однимъ рабочимъ. Ящикъ установленъ на деревянный поддонникъ, отъ котораго идетъ жолобъ къ одному общему для всѣхъ котловъ резервуару. Самое производство состоитъ въ слѣдующемъ: въ котлы, сообразно съ ихъ вместительностью, накладывается сельдка, здѣсь вываривается, а затѣмъ переваливается въ находящійся по сосѣдству ящикъ и, съ помощью ворота, прессуется; селедочный жиръ стекаетъ черезъ отверстія между брусьями сначала на поддонникъ, а затѣмъ по желобамъ въ резервуаръ. Рыбные остатки, сжатые прессовкой почти въ кубическую форму, вываливаются на соломенные циновки, разбиваютъ деревянными лопатами и кирками, просушиваютъ на солнцѣ, затѣмъ упаковываютъ въ кули и отправляютъ въ Японию для удобренія рисовыхъ плантацій. Селедочный жиръ получается въ общемъ резервуарѣ съ примѣсью воды, а потому перегоняется въ сосѣдній ящикъ съ резервуаромъ меньшихъ размѣровъ. По очисткѣ, селедочный жиръ идетъ, кромѣ пищи, на освѣщеніе, а также сваривается со смолой и краской и употребляется для заливки подводной части судовъ. Послѣдній составъ употребляютъ тоже при устройствѣ ледниковъ и кладовыхъ; имъ заливаютъ нижній полъ, чтобы не проникала вода.

Полагая, что въ день на каждый котелъ придется до 10-ти варокъ, что на каждую варку нужно до 1000 штукъ сельдокъ, выйдетъ, что на каждый котелъ потребуется 10,000 сельдей, а на заводъ изъ 80-ти котловъ 800,000 рыбъ ежедневно. Естественно, что при такомъ спросѣ и самая ловля не можетъ производиться первобытнымъ способомъ. По ловкости въ рыболовствѣ, японцы стоятъ выше европейцевъ. Неводы, предназначенные для ловли сельдей, достигаютъ до 250-ти сажений, причемъ мотня не составляетъ нераздѣльной части невода, а пристегивается къ нему. Это сдѣлано съ весьма практическою цѣлью. Такъ какъ сельдка держится у береговъ лишь нѣсколько дней, то слѣдуетъ, насколько возможно, пользоваться ея присутствіемъ и обезпечить заводъ прежде всего необходимымъ количествомъ рыбы, а затѣмъ уже приниматься за производство. Этому-то требованію и удовлетворяетъ японскій неводъ съ пристегиваемой къ нему мотней, такъ какъ самый неводъ, послѣ каждой тощи, на берегъ не вытаскивается, но отъ него только отстегивается наполнившаяся сельдкой мотня и немед-

ленно для слѣдующей топи пристегивается новая. Мотня же, наполненная рыбой, удерживается на якорѣ при большомъ деревянномъ поплавкѣ.

Для производства промысла въ такихъ размѣрахъ, необходимо множество привычныхъ рабочихъ рукъ. Вотъ почему японцы и привлекали къ работамъ на заводахъ всѣ наличныя силы населенія. Лишая такимъ образомъ туземца возможности заняться ловлей селедки для себя лично, японцы дозволяли имъ пользоваться рыбой своего улова, что, конечно, не составляло еще прибыли.

Вслѣдъ за селедкой, съ первыхъ чиселъ июня, появляется у береговъ острова горбуша (лосось) и заходитъ для метанія икры во всѣ не только большія, но и незначительныя рѣчки, подымаясь вверхъ по теченію огромными массами и составляя послѣ селедки главную отрасль промышленности японцевъ, равно и важнѣйшее подспорье въ домашнемъ бытѣ туземца. Въстникомъ весны служитъ и чевича (тоже видъ лосося), но она заходитъ не во всякую рѣчку и идетъ сравнительно въ незначительномъ количествѣ. Съ мѣсяцъ по окончаніи хода горбуши, слѣдовательно въ первыхъ числахъ августа, начинается ходъ кэты (семги). Она точно также, какъ и горбуша, подымается вверхъ по рѣчкамъ и идетъ у японцевъ въ посолку, а у туземцевъ заготавливается въ вяленомъ и копченомъ видѣ.

Однимъ изъ самыхъ удобныхъ способовъ ловли кэты, горбуши и чевичи считается у туземцевъ ловля мѣрдами, а затѣмъ бьютъ рыбу различнаго рода острогами. Японцы ловятъ, какъ горбушу, такъ и кэту въ открытомъ морѣ неводами, а для ловли въ рѣчкахъ устраивали загороды. Нѣсколько выше устья вбивается отъ берега до берега рядъ кольевъ, къ которымъ прикрѣпляется неводъ съ мотней, не дающій рыбѣ подняться вверхъ по рѣкѣ; мотня быстро наполняется горбушей; затѣмъ неводъ отстегивается, рыба выбирается, и неводъ снова навѣшивается на колья. Такъ продолжается во все время хода рыбы, который длится около мѣсяца. Ловомъ мелкой рыбы японцы не занимаются, но туземцы промысляютъ ее постоянно. Виды рыбъ въ средней и сѣверной частяхъ Сахалина, равно какъ и способы ловли—тѣже, что и на югѣ.

Изъ морскихъ животныхъ туземцы промысляютъ тюленя (нерпа), сивуча (морского льва) и на побережьяхъ южнаго Сахалина пользуются жиромъ выбрасываемыхъ на берегъ китовъ. Выброшенный китъ составляетъ собственность окрестныхъ селеній. Жиръ кита, сивуча и тюленя вытапливается, сохраняется въ прочныхъ пузыряхъ, добываемыхъ изъ сивуча же, и служитъ лакомой приправой, какъ къ рису, такъ и къ вяленой рыбѣ.

Хотя звѣроловство и составляетъ для туземца предметъ второстепенной важности, тѣмъ не менѣе доставляетъ немаловажную поддержку въ хозяйственномъ быту. Занимаются звѣроловствомъ преимущественно жители сѣверныхъ округовъ вслѣдствіе того, что на сѣверѣ и звѣрь водится въ несравненно большемъ количествѣ, и туземецъ имѣетъ тамъ болѣе свободного времени. Айно же были стѣснены работами по заготовленію дровъ и древеснаго угля для японцевъ.

Изъ всѣхъ звѣрей, обитающихъ въ Сахалинскихъ дебряхъ, наиболѣе прибыльную добычу даетъ соболь, распространенный въ значительномъ количествѣ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ. Нужно, однако, замѣтить, что, по качеству мѣха, соболь сѣвернаго Сахалина стоитъ гораздо выше, чѣмъ соболь южнаго, цвѣтъ котораго иногда принимаетъ свѣтлый, буро-желтоватый оттѣнокъ. На сѣверѣ же мнѣ случилось видѣть шкурки, которыя по своему качеству, немногимъ уступали якутскимъ и камчатскимъ. Ловля соболей производится ловушками очень незатѣйливаго устройства и основанными на томъ, что, по выпаденіи снѣга, соболь имѣетъ привычку переходить рѣчки, по лѣбинамъ, сломаннымъ и переброшеннымъ силою вѣтра съ одного берега на другой. На такихъ-то лѣбинахъ и устанавливаются ловушки; у каждаго звѣропромысленника по нѣскольку штукъ, которыя онъ и обходитъ каждодневно; если въ ловушкѣ окажется соболь, то, вынувъ свою добычу, промысленникъ исправляетъ ловушку и возвра-

щается къ ней не раньше опредѣленнаго на то срока. Случается, однако и такъ, что расчетъ бываетъ ошибочнымъ и туземца постигаетъ неудача: соболь до крайности прожорливъ и кровожаденъ; завидѣвъ свѣсившееся тѣло понавшагося въ ловушку товарища, онъ преспокойно пожираетъ его.

Другой способъ промысла соболей, распространенный между тунгусами и якутами, — охота съ ружьемъ при хорошей собакѣ.

Собака приучена такъ, что гонитъ исключительно только соболя, не увлекаясь слѣдомъ другого звѣря и загоняетъ его на дерево; охотникъ же, выбравъ удобный моментъ, старается попасть небольшою пулею въ голову, чтобы не попортить шкурки. У меня былъ знакомый тунгусъ Алексѣй, который за осеннее время 1869 года убилъ такимъ образомъ до 80-ти штукъ соболей.

Такимъ же образомъ охотятся и поставые солдаты.

Въ настоящее время звѣропромышленники сбываютъ пушнину преимущественно наѣзжающимъ на островъ русскимъ купцамъ, причемъ цѣна на соболя увеличивается ежегодно. Еще въ 1867 году, напримѣръ, лучшую шкурку можно было приобрести за 3 и даже 2½ р., тогда какъ въ 1873 шкурка продавалась по 5, 6 и даже 10 рублей.

Самые способы эксплуатаціи туземнаго населенія нашими купцами были такъ возмутительны, что губернаторъ Приморской области вынужденъ былъ воспретить ввозъ спиртныхъ напитковъ на островъ. При мѣновой торговлѣ, которую вели звѣропромышленники съ нашими торговцами, бывало иногда и такъ, что соболиная шкурка отдавалась за двѣ бутылки водки и фунтъ табаку. Двѣ же бутылки водки фабриковались изъ одной бутылки спирту, который разбавлялся болѣе чѣмъ на половину водой. Кроме того, наши торговцы, пользуясь слабостью туземца къ спиртнымъ напиткамъ, задавали ему плату впередъ до слѣдующаго года и затѣмъ являлись уже кредиторами, не знавшими ровно никакой жалости. Отсутствие русскихъ постовъ по теченіямъ Тыми и Плын, а слѣдовательно и отсутствие всякаго контроля надъ купцами-бандитами, приѣзжавшими изъ Николаевска, повергало туземное населеніе въ ужасъ и негодованіе.

Вторымъ по цѣнности мѣхомъ слѣдуетъ считать лисицу, которая также, какъ и соболь, водится повсемѣстно. Туземцы бьютъ лисицъ самострѣлами и ставятъ на нихъ ловушки; наши же крестьяне и солдаты предпочитаютъ дѣйствовать отравой.

Самострѣлами же убиваютъ кабаргу и выдру; послѣдняя водится въ довольно значительномъ количествѣ, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной части острова.

Олень составляетъ предметъ промысла орочанъ и кочующихъ тунгусовъ, на югѣ же ловлей оленей занимались ради вкуснаго мяса поставыя команды. На медвѣдя ходятъ туземцы единственно для того, чтобы поймать медвѣжатъ, которыхъ держатъ затѣмъ по 2 по 3 года въ деревянныхъ срубахъ и, въ концѣ концовъ, въ день праздника Горнаго бога, предають закланію.

Изъ птицъ, которыя водятся на Сахалинѣ во множествѣ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, только жители сѣвернаго и средняго Сахалина охотятся за бѣлыми куропатками; жители же юга охотой на птицъ не занимаются.

Говоря вообще, не взирая на естественныя богатства Сахалина, по настоящее время не нашлось ни одного русскаго предпринимателя, который взялся бы вести въ широкихъ размѣрахъ какую-либо отрасль промышленности. А поле дѣятельности благодатное: можно бы заняться рыбнымъ и китобойнымъ промыслами, можно бы и пушнымъ промысломъ заняться, — и всякій трудъ подобнаго рода былъ бы вознагражденъ сторицею. Но, странное дѣло, нѣтъ такого предприимчиваго русскаго человѣка, который бы за что-нибудь принялся. Американскіе китобойцы преспокойно и безнаказанно бьютъ китовъ въ нашемъ внутреннемъ Охотскомъ морѣ; японцы вырабатываютъ сотни тысячъ одной ловлей селедки, а мы, съ озимійскимъ

хладнокровіемъ, сидимъ себѣ въ своихъ военныхъ постахъ и только стѣсняемъ дѣятельность другихъ, которые талантовъ своихъ въ землю не зарываютъ.

Достаточно сказать, что по Симодскому торговому трактату, заключенному съ Японіей графомъ Путятинымъ въ 1855 году, для насъ было открыто нѣсколько портовъ, но до прошедшаго года (слѣдовательно за 25 лѣтній періодъ времени) ни въ Китайскихъ, ни въ Японскихъ водахъ не показалось ни одного русскаго коммерческаго флага. Исключеніе составляетъ одинъ только Фидлиусъ, и тотъ связанъ съ правительствомъ контрактами и получаетъ субсидію. Была, правда, въ іюлѣ 1869 года попытка устроить на островѣ бобровый и тюлений промыселъ при помощи алеутовъ, но и это дѣло потерпѣло полнѣйшее фіаско. Г-нъ Лемашевскій, бывший капитанъ одного изъ судовъ сѣверо-американской компаніи, перевезъ въ 1868 году съ Алеутскихъ острововъ 6 семействъ на островъ Урупъ, гдѣ они и стали по прежнему заниматься бобровымъ промысломъ.

Но вотъ, въ началѣ 1869 года, дошли до города Петропавловска (въ Камчаткѣ) слухи, что островъ Урупъ уступленъ нашимъ правительствомъ японцамъ, взаменъ южной части Сахалина, и Лемашевскій, находившійся въ то время въ Петропавловскѣ, поспѣшилъ съ открытіемъ навигаціи на Урупъ, гдѣ оповѣстилъ алеутскія семьи о новой бѣдѣ. Алеуты же, не желая сдѣлаться японскими подданными, упросили Лемашевского доставить ихъ на югъ Сахалина, гдѣ предполагали присутствіе бобровъ. Разочарованіе было горькое, хотя по климатическимъ условіямъ Сахалинъ нисколько не уступаетъ Алеутскимъ островамъ или острову Урупу, хотя на Сахалинѣ много всякаго звѣря и свой бытъ можно устроить недурно, но алеуты—этотъ, можно сказать, рыба-человѣкъ—спеціалистъ исключительно по промыслу бобровъ, которыхъ на Сахалинѣ не водится.

Да, наконецъ, и самый промыселъ на бобровъ прибыльнѣе всѣхъ остальныхъ.

Время было позднее, выѣхать обратно не представлялось возможности, и несчастные алеуты волей не волей должны были перезимовать въ бухтѣ Буссе.

Въ виду того, что всѣ они давно обрусѣли, что къ нимъ привились русскіе обычаи и привычки, одѣвались они по европейски, пили чай и имѣли даже свои самовары, не могли обойтись безъ хлѣба, говядины (табаку и т. д.), г-нъ Лемашевскій оставилъ на островѣ лавку съ товарами, удовлетворявшими первымъ потребностямъ невольныхъ переселенцевъ. Перезимовали алеуты безъ всякаго дѣла, во многомъ нуждаясь: жизнь же въ наскоро сдѣланныхъ землянкахъ породила различнаго рода болѣзни, такъ что, будучи вывезены на другой годъ обратно на Урупъ, они оставили на память о себѣ Сахалину свѣжія могилы.

Развитіе нашей торговли и промышленности на Востокѣ вообще было такъ слабо и по всей вѣроятности у правительства было такъ мало надежды на то, чтобы обстоятельства измѣнились къ лучшему, что было рѣшено отдать одинъ изъ богатѣйшихъ нашихъ промысловъ на Востокѣ, именно котиковый промыселъ, въ аренду американской компаніи Хутчисона и Коль.

Котики водятся въ огромномъ количествѣ на островахъ Командорскихъ: Мѣдномъ и Беринговомъ и на островѣ Тюленьемъ (въ заливѣ Теригнія), составляющемъ часть принадлежащую Сахалину. Островъ Тюлений не болѣе не менѣе какъ большой каменный рифъ съ песчаной косой, на которую и взбираются котики цѣлыми стаями.

Туземцами айно островокъ этотъ не посѣщается, хотя имъ и не безызвѣстно, что онъ служитъ притономъ для котиковъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еще задолго до заключенія контракта съ компаніей Хутчисона сюда заглядывали американскіе китобои и промышляли цѣннаго звѣря. Мы же были такъ слабы, что не имѣли ни одного крейсера, который бы слѣдилъ за иностранными судами и не допускалъ бы хищническихъ промысловъ въ нашихъ же моряхъ.

По всей вѣроятности къ окончанію срока аренды котикъ будетъ истребленъ совершенно и сдѣлается болышой рѣдкостью, такъ какъ американцы бьютъ его безъ разбора.

Я слышалъ, что компанія Хутчисона въ первый же арендный годъ добыла до 30,000 шкуръ, приче́мъ на островѣ Тюленьемъ били и матокъ и дѣтенышей.

Одною изъ самыхъ побудительныхъ причинъ къ занятію нами Сахалина было желаніе имѣть въ рукахъ каменноугольныя копи, которыми прославился западный берегъ острова. Затѣмъ высшая администрація считала обладаніе островомъ дѣломъ необходимымъ въ стратегическомъ отношеніи. Предполагали, что разъ какая-нибудь иностранная держава захватитъ Сахалинъ въ свои руки, — можетъ запретить намъ входъ въ устье Амура. Восточная война 1853 года ускорила разрѣшеніе вопроса, и въ сентябрѣ 1853 года была снаряжена экспедиція подъ начальствомъ подполковника Буссе, который и занялъ селеніе Кусунъ-Котанъ, основавъ тамъ Муравьевскій постъ. Въ силу военныхъ обстоятельствъ, въ іюль 1854 года постъ этотъ былъ снятъ. Японцы же выразили неудовольствіе по поводу рѣшительнаго обрѣза дѣйствій нашего правительства, которое, въ виду этого, измѣнило первоначальную программу и, не оставляя намѣренія утвердиться на островѣ, положило дѣйствовать постепенно, то есть, основавшись въ нѣсколькихъ пунктахъ средней и южной части острова, подвигаться до залива Анива новыми постами, исподволь приобрѣтая вліяніе на мѣстное населеніе.

Первыя изслѣдованія пластовъ каменнаго угля произведены по распоряженію капитана Невельского лейтенантомъ Бошнякомъ въ 1852 году, а въ 1857 году приступлено было къ устройству постовъ Дуэ и Кусунай. Послѣдній былъ заложенъ лейтенантомъ Рудановскимъ. О богатствѣ пластовъ каменнаго угля имѣлось преувеличенное понятіе, и только въ 70-хъ годахъ инженеры Лопатинъ и Кеппенъ болѣе правильно опредѣлили содержаніе пластовъ. По предположенію г-на Кеппена, въ Дуэ возможно вырабатывать ежегодно до 900,000 пудовъ угля, для чего необходимо имѣть 400 рабочихъ.

Пласты каменнаго угля въ Дуэ залегаютъ въ горизонтальномъ направленіи, на высотѣ 150 — 200 футовъ надъ поверхностью моря. Разработка производилась первоначально постовыми солдатами, а затѣмъ присланы были ссыльно-каторжные. Работы, по недостатку знаній и рукъ, велись неправильно и непроизводительно, истощали богатство рудниковъ. Ко всѣмъ неудобствамъ присоединялось еще и то, что въ окрестностяхъ Дуэ не имѣется ни одной безопасной гавани, а вслѣдствіе того командиры судовъ сибирской флотиліи весьма неохотно нагружались каменнымъ углемъ въ Дуэ и предпочитали брать таковой въ Японіи.

Постовая команда въ Дуэ доведена была за послѣднее время до полу-баталіоннаго состава, а команда ссыльныхъ въ 1880 году до 2000 человекъ.

Кромѣ каменноугольныхъ пластовъ въ Дуэ разрабатывались еще пласты при устьѣ рѣкъ Саккота и Нояси подъ 49° 30' широты. Мѣстность носитъ общее названіе Сиритунай, самыя же копи называются путятинскими и были отданы въ частныя руки. Первоначально вель разработку русскій купецъ Бауровъ, затѣмъ — американцы: Эллісъ, Гельцке и, наконецъ, Ридъ, которые всѣ обанкротились и бросили предпріятіе.

Послѣ нихъ сахалинскія каменно-угольныя копи сданы были компаніи Бутковского, которая также разорилась и дѣло перешло къ Базилевскимъ и К°. Сиритунайскія копи, по качеству угля не уступаютъ дуэскимъ, стоянка же около Саккота и Нояси — гораздо безопаснѣе; въ Нояси могутъ входить и скрываться отъ непогоды небольшіе пароходики. Разработка производилась, какъ ссыльными, окончившими сроки работъ, такъ и китайцами, которыхъ американцы привозили изъ Шанхая. Число китайцевъ у Рида доходило до 100 человекъ. Пласты на югѣ Сахалина не эксплуатируются и по настоящее время.

Много горя и труда выпало на долю воинскихъ командъ, расположенныхъ въ различныхъ пунктахъ Сахалина. Постъ Дуэ выстрадалъ меньше другихъ, какъ по близости къ областному городу Николаевску, такъ и потому, что Сибирская флотилія въ немъ нуждалась.

Что же касается до постовъ, расположенныхъ на югѣ, которые составляли бремя для мо-

риновъ, то можно смѣло сказать, что тамъ команды нуждались часто въ самомъ необходимомъ, вслѣдствіе небрежнаго, эгоистичнаго отношенія къ дѣлу капитановъ судовъ.

Устранялись посты повсемѣстно слѣдующимъ образомъ: выбросить на берегъ команду съ годовымъ запасомъ провіанта и съ необходимымъ для постройки матеріаломъ да и предписываютъ: «стройтесь и устраивайтесь себѣ, какъ знаете!» Относительно же дальнѣйшаго снабженія, такъ просто иногда передъ японцами краснѣть приходилось! Смотришь — приходишь въ японскому посту джонка и отстаивается отъ бурь и непогодъ на травяныхъ канадахъ, пока не выгрузитъ вседо послѣдняго мѣшка; наше же судно съ грузомъ, предназначеннымъ, напримѣръ, для Кусунаи, умудрится сгрузить гдѣ вибудь въ гавани Ольга, или какъ это было въ 1873 году, на пустынномъ полуостровѣ Крильонъ. Пospоришь съ капитаномъ судна, такъ получишь въ отвѣтъ, что «миѣ до пенсін, два года остается и разбиваться не охота!»

А что нѣсколько сотъ людей болѣютъ повально скорбутомъ, — такъ это ничего!...
Постъ Дуэ расположенъ въ не широкой долинѣ рѣчки Хоэ, такъ что выборъ мѣстности для устройства здѣсь поселенія былъ неудаченъ: пришлось все постройки вытянуть въ одну главную улицу, остальные же зданія дѣлятся по скатамъ горныхъ отроговъ, замыкающихъ самую долину. На гребнѣ сѣвернаго отрога устроенъ маякъ. Въ море выведена солидная пристань, съ проложенными на ней рельсами для выгрузки и доставки въ постъ провіанта и привозимыхъ товаровъ. Кромѣ зданій постовой команды и команды ссыльныхъ, здѣсь имѣются

Постъ Дуэ.

провіантскіе магазины, часовня и нѣсколько домиковъ частныхъ лицъ. Въ послѣдніе годы нѣкоторые изъ Николаевскихъ купцовъ устроили свои лавки, въ которыхъ продаются предметы первой необходимости по весьма высокимъ цѣнамъ. Продавался прежде и спиртъ, но въ настоящее время ввозъ спирта на островъ воспрещенъ: если же и провозятъ его, то именно контрабандой. Въ окрестностяхъ поста Дуэ ведется самая дѣятельная пушная торговля; особенно же развита она при истокахъ Тыми и Плыи. Туда-то и стремятся наши Николаевскіе торговцы, минуя дуйскій контроль и пробираясь прямо черезъ долину рѣчки Арково верстъ на 20-ть сѣвернѣе поста. Между Дуэ и Арково находится въ настоящее время слобода Александровская изъ ссыльныхъ поселенцевъ, считающая свыше двадцати дворовъ. Она расположена по побережьямъ рѣчки Дуэ и притока послѣдней Александровки. Долина этихъ рѣкъ — одна изъ самыхъ удобныхъ для поселенія и хлѣбопашества въ средней части Сахалина. Высокій центральный хребетъ съ его отрогами защищаетъ ее отъ вредныхъ восточныхъ вѣтровъ, а прекрасная почва, богатые луга и отличный строевой лѣсъ даютъ поселянамъ возможность устроиться и жить въ полномъ достаткѣ. Въ прежнее время отъ поста Дуэ въ слободу Александровскую нельзя было проѣхать иначе какъ берегомъ и то только до скалистаго мыса Жонкьеръ, круто обрывающагося въ самое море. Обойти мысъ даже и въ малую воду не представлялось никакой возможности, такъ какъ тутъ глубина въ нѣсколько сажень; оставалось проложить тропинку черезъ каменистую сѣдловину, соединяющую мысъ съ береговыми отрогами, что стоило невероятныхъ усилій, такъ какъ громадныя глыбы камней,

преграждавшія путь, приходилось первоначально взрывать порохомъ, а потомъ уже сваливать. Самъ же по себѣ Жонкьеръ поражаетъ васъ своими прихотливыми очертаніями и угрюмой красотой; въ геологическомъ же отношеніи онъ замѣчательнъ по обилію, залегающихъ въ немъ, окаменѣлостей. Докторъ Августиновичъ, побывавшій на островѣ въ 1879 г., привезъ выбитыя изъ Жонкьера круглыя окаменѣлыя раковины, которыя доходятъ въ діаметрѣ до трехъ-четвертей аршина. Въ береговыхъ же обрывахъ между Дуэ и Жонкьеромъ залегаютъ извѣстные «дуйскіе» каменноугольные пласты.

Въ настоящее время отъ поста Дуэ къ слободѣ Александровской проложена прямая дорога и путь черезъ Жонкьеръ оставленъ.

Постъ Кусунай, какъ сказано выше, основанъ лейтенантомъ Рудановскимъ на берегу Татарскаго пролива. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ островъ не превышаетъ 30-ти верстъ ширины, то отъ поста Кусунай выдвинута была унтеръ-офицерская команда на берегъ Охотскаго моря и устроена постъ при устьѣ рѣки Мануэ. Такимъ образомъ была проведена какъ бы граница между сѣверными и южными поселеніями острова.

Въ посту Кусунай находилась первоначально незначительная морская команда, которая бывала иногда въ такомъ жалкомъ положеніи, что начальнику поста приходилось занимать ризь у японцевъ. Не въ лучшемъ положеніи находился и взводъ 4-го восточно-сибирскаго батальона, присланный морякамъ на смѣну. Понятно, что при такихъ условіяхъ мы не могли имѣть ровно никакого вліянія на мѣстное население, а японцы получили самое невыгодное понятіе о могуществѣ русскихъ, обращались съ горстью нашихъ людей надменно и не пускали насъ за линію Мануэ-Кусунай, хотя права на то не имѣли. Только въ 1866 г. число нижнихъ чиновъ въ Кусунаѣ доведено до 145-ти человекъ и на островъ командированъ полковникъ де-Витте, который, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, счелъ нужнымъ сдѣлать и по западному и по восточ-

Внутренность жилища айновъ.

ному берегу нѣсколько вооруженныхъ прогулокъ, а весной 1867 года положилъ начало новому посту при устьѣ рѣки Найбучи, верстъ шестьдесятъ южнѣе Мануэ. Смѣлый поступокъ этотъ возбудилъ крайнее раздраженіе въ средѣ японцевъ и повелъ къ нескончаемой дипломатической перепискѣ. Болѣе всего волновало мѣстныхъ чиновниковъ то обстоятельство, что команду въ 25-ть человекъ при офицерѣ, со строительными матеріалами, инструментами и двухъ-мѣсячнымъ провіантомъ, мы перевезли къ мѣсту устройства поста на японскомъ же кунгасѣ, (большой морской парусной лодкѣ), который дали намъ чиновники селенія Сирара-ки на нѣсколько дней для рыбной ловли въ Мануэ.

Къ осени же указаннаго года японцевъ постигъ новый и болѣе рѣшительный ударъ: наше правительство оставило первоначальное намѣреніе утвердиться на югѣ острова постепенно и снарядило экспедицію подъ начальствомъ полковника де-Витте, который занялъ единственную удобную на островѣ бухту Буссе и устроилъ тамъ постъ Муравьевскій. Такому вторженію японцы сопротивлялись пассивно, ограничившись протестомъ.

Болотистые берега бухты Буссе производили такое удручающее тяжелое впечатлѣніе на высаженную здѣсь стрѣлковую роту 4-го восточнаго сибирскаго линейнаго батальона, что многіе изъ молодыхъ людей (новобранцевъ) плакали горючими слезами.

Благодаря энергіи и заботливости начальника отряда, полковника де-Витте, постройка шла быстро, и уже въ сентябрѣ 1867 г. болото преобразовалось въ хорошенькій постъ съ шоссейными дорожками, а люди поселились въ казармахъ. Такому успѣху немало способствовалъ и молодой ротный командиръ, подпоручикъ Шванъ.

Съ основаніемъ Муравьевскаго поста, японцамъ стали ясны наши конечныя цѣли. Наше правительство не могло остановиться на полъ-пути, и въ 1869 году рѣшено было перевести на островъ весь 4-й восточно-сибирскій линейный баталіонъ, при взводѣ горной артиллеріи и, кромѣ того, положено было устроить первое на островѣ поселеніе. Для должнаго вліянія, какъ на туземное населеніе, такъ и на японцевъ, признавалось необходимымъ устроить сильный постъ въ самомъ центрѣ айно-японскихъ поселеній, съ каковою цѣлю и выбрана была бухточка «Хахка-Томари», рядомъ съ городкомъ «Кусунъ-Котанъ». 11-го іюля 1869 года посажены были на бортъ транспорта «Манжуръ» 3-я и 4-я роты 4-го восточно-сибирскаго линейнаго баталіона съ необходимыми матеріалами и взводъ стрѣлковъ; высадка совершилась безирепаттвенно и немедленно же приступлено къ расчисткѣ мѣстности для новаго поста, которому и дано названіе «Корсаковъ».

Только что успѣли высадить взводъ стрѣлковъ, какъ явились японскіе чиновники съ протестомъ относительно насильственнаго занятія нейтральной мѣстности. «Помилуйте!» говорилъ одинъ изъ старшихъ чиновниковъ по прозванію «Тодзимбадзиро» «Если я дозволю вамъ занять это мѣсто,—миѣ голову отрубятъ!» Въ свою очередь, я силился увѣрить, что и у насъ точно такъ же строго; что по приказанію адмирала Фуругельма моя голова, въ случаѣ неисполненія приказаній, слетитъ такъ же свободно, какъ и его, Тодзимбадзиро. Словомъ—«veni—vidi—vici!» Работа закипѣла, и къ декабрю мѣсяцу люди изъ землянокъ перешли въ казармы. Впрочемъ, большое неудобство такихъ скорыхъ построекъ заключается въ томъ, что приходится строиться изъ сырого дѣса, который затѣмъ разсыхается и даетъ трещины во все бревно; въ конопати же мы такъ нуждались, что забивали трещины мхомъ, который быстро вывѣтривался. Въ моемъ, на примѣръ, домѣ стаканъ воды, поставленный съ вечера, промерзалъ иногда къ утру до дна.

Утвердившись въ заливѣ Анива, приходилось подумать и о путяхъ сообщенія между постами, тѣмъ болѣе, что японцы, возмущенные нашимъ смѣлымъ образомъ дѣйствій, готовились къ противодѣйствію.

Вслѣдъ за водвореніемъ въ бухтѣ Хахка-Томари устроены были небольшіе посты на западномъ берегу около селенія Мауке и на восточномъ при устьѣ рѣки Плыи, недалеко отъ японскаго селенія Сиська.

Множество затрудненій, встрѣченныхъ нами при устройствѣ всѣхъ этихъ постовъ, усугубились еще и тѣмъ, что, одновременно съ прибытіемъ баталіона, привезены были въ числѣ 21-й семьи переселенцы Тобольской и Иркутской губерній.

Предварительно прибывшіе крестьяне-ходоки, изслѣдовавъ всю южную часть острова, нашли, что притокъ рѣки Найбучи съ его плодородной долиной, какъ нельзя болѣе подходит къ устройству здѣсь поселенія. Прибыли поселенцы съ двухъ годовымъ запасомъ провіанта, со скотомъ и земледѣльческими орудіями. Жаль только, что Николаевское областное правленіе позабыло выслать сохи, такъ что я лично привезъ ихъ уже зимой на собакахъ. Жаль и того, что крестьянъ доставили въ концѣ лѣта, такъ что кормъ для скота нужно было скорѣе рубить, чѣмъ косить. А тутъ еще и моряки помогли: отъ устья Найбучи можно подняться на лодкѣ вверхъ по рѣкѣ верстъ на 12-ть, отсюда ровной мѣстностью, по проложеннымъ уже тропинкамъ, легко было бы поднять переселенцевъ вплоть до выбраннаго ими мѣста. Но для этого транспорту нужно было идти въ Охотское море, а моряки сибирской флотиліи Охотскаго моря не любятъ. Вотъ и командиръ транспорта (ему оставалось года 1½, до пенсіи) предпочелъ выгрузить крестьянъ въ только что заложенномъ посту Корсакова, а отъ поста Корсаковъ къ селенію Такой верстъ 90 по непроходимымъ дебрямъ. Никакія увѣщанія и просьбы о перевозкѣ крестьянъ къ устью Найбучи не помогли: «машина испорчена», — отговаривался капитанъ. И вотъ, размѣстивъ кое-какъ несчастныхъ крестьянъ въ японскихъ сараяхъ и землянкахъ, пришлось назначить команду подъ начальствомъ топографа Дьяконова для про-

веденія проськи. Одновременно же съ этимъ были отправлены всѣ молодые люди—крестьяне косить перезрѣлое сѣно. Нужно владѣть очень талантливымъ перомъ, чтобы описать все то, что выдержали крестьянскія семьи, работавшая команда и приставленные къ дѣлу офицеры.

Работавшимъ на проськѣ доставляли хлѣбъ и провизию на рукахъ, и чѣмъ дальше подвигались дороги, тѣмъ это было труднѣе. А тутъ, какъ на зло, стала ранняя зима и выпалъ глубокой снѣгъ, такъ что крестьяне, отправившіеся по слѣдамъ работавшихъ дорогу солдатъ, должны были расположиться таборомъ въ лѣсу, верстъ съ 20-ть не доходя селенія Такой, окрестности котораго были выбраны поды поселенія.

Привезенный скотъ (волы) сталъ падать отъ усиленной работы и плохого корма; наскоро прорубленная проська шла крутыми пригорками и оврагами, такъ что къ каждой подводѣ нужно было много людей, чтобы помогать изнуреннымъ погибающимъ животнымъ. Довольно сказать, что 90 верстъ отъ залива Анива и до селенія Такой крестьяне шли около мѣсяца.

Ненависть пострадавшихъ къ виновнику всѣхъ этихъ бѣдствій была такъ велика, что 6—7-ми лѣтніе мальчишки употребляли его фамилію, какъ бранное слово.

Ясно, что при такомъ грустномъ началѣ въ устройствѣ перваго свободнаго поселенія успѣха быть не могло около Дуэ, нужно замѣтить, существовала уже Александровская ферма изъ ссыльныхъ, окончившихъ сроки работъ. Объ озимыхъ посѣвахъ нечего было и думать, а падежъ скота отозвался и на весеннихъ работахъ.

Въ октябрѣ 1869-го же года японцы въ свою очередь усилили посты командами, прибывшими на американскомъ пароходѣ Янтсей, но дѣло обошлось безъ столкновений, такъ какъ рыбныя ловли были уже окончены и дѣлать намъ было нечего. Не взирая на то, что постройки жилыхъ помѣщеній, устройство проськъ и дорогъ лежало всей своей тяжестью на нижнихъ чинахъ, мы, въ виду натянутыхъ отношеній съ японцами, должны были заняться, кромѣ того и боевой подготовкой людей, на что посвящался одинъ день въ недѣлю, суббота, когда, равно какъ и въ воскресенье, работъ не производилось.

Непосильные труды и совершенно неудобно-исполнимыя требованія начальства побудили меня просить о высылкѣ на южную часть острова партіи ссыльно-каторжныхъ въ такомъ числѣ, чтобы хоть нѣсколько облегчить команды и заняться приведеніемъ ихъ на военную ногу. Въ 1871 году выслана была въ постъ Корсаковъ партія ссыльно-каторжныхъ въ такомъ числѣ, которая и была распределена, какъ для окончательнаго устройства постовъ, такъ и для проведенія дороги отъ пролива Лаперуза къ Охотскому морю по Такоя-Сусуйской долинѣ. Въ 1871 и 1872 годахъ прибыла на островъ Высочайше утвержденная коммиссія, поды предсѣдательствомъ статскаго совѣтника Власова, для изслѣдованія вопроса, насколько пригоденъ островъ для заселенія его ссыльно-каторжными, равно и для устройства здѣсь пенитенціарныхъ колоній. Членъ коммиссіи агрономъ Мицуль произвелъ самыя тщательныя изслѣдованія, занимаясь пробными посѣвами, какъ озимыми, такъ и яровыми, и вывелъ общее заключеніе, что Сахалинъ представляетъ широкое поле дѣятельности для хлѣбопашца.

Мнѣ, впрочемъ, кажется, что успѣшному хлѣбопашеству не благоприятствуютъ климатическія условія, обусловленныя вліяніемъ Охотскаго моря; по крайней мѣрѣ, крестьяне, поселившіеся въ Такоѣ, жаловались на несвоевременные дожди и большое число пагубныхъ для хлѣба туманныхъ дней. Но огородничество и скотоводство прививаются съ большимъ успѣхомъ и урожай овощей, особенно же картофеля, доходятъ до самъ 15-ти и больше. Кромѣ картофеля, разводятъ капусту, рѣдьку, свеклу, морковь, брюкву, а на югѣ—и огурцы.

Изъ всѣхъ существовавшихъ постовъ, особенно успѣшнымъ скотоводствомъ отличался Кусунай, чему способствовали богатые прибрежныя луга и сравнительно незначительное количество насѣкомыхъ, которыя сильно беспокоили крестьянскій скотъ въ Такоѣ. Овцеводство погибло въ зародышѣ, такъ какъ овцы, купленные въ Забайкальѣ, не выдерживали сахалинскаго климата и частью пали, частью были перерѣзаны крестьянами. Самую выгодную

отраслью скотоводства считается разведение свиней, которыми находятъ обильную пищу въ болотистыхъ берегахъ рѣчекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно плодовиты.

Представленія, сдѣланныя въ Петербургѣ статскимъ совѣтникомъ Власовымъ въ смыслѣ благопріятномъ для устройства ссыльныхъ колоній на Сахалинѣ, ускорили разрѣшеніе вопроса, и въ 1875 году, по трактату, заключенному съ Японіей, Сахалинъ уступленъ намъ окончательно. При этомъ японцамъ оставлено право пользоваться рыбными промыслами въ теченіе 10-ти лѣтъ, а туземцамъ предложено выселиться въ Японію или же принять русское подданство.

Затѣмъ проэктирована была доставка ссыльно-каторжныхъ на Сахалинъ не прежнимъ сухопутнымъ этапнымъ путемъ черезъ всю восточную Сибирь, а кругомъ свѣта, на морскихъ судахъ.

Этимъ сберегается, какъ время, такъ и силы арестантовъ, которымъ предстоитъ, хотя и тяжелый, но производительный трудъ. Первый кругосвѣтный рейсъ сдѣланъ былъ въ 1879 г. на крейсере добровольнаго флота «Нижній-Новгородъ», подъ наблюденіемъ бывшего начальника Сахалинскаго отряда генералъ-маіора де-Витте. Ссыльно-каторжныхъ предполагалось размѣстить, какъ въ окрестностяхъ поста Дуэ, такъ и на югѣ, въ посту Кореаковъ; но послѣдній, по недостатку помѣщеній, сдѣлать невозможно было, такъ что вся масса арестантовъ скончалась въ окрестностяхъ Дуэ, а въ посту Кореаковъ находилось не свыше двухсотъ человекъ.

Въ настоящее время, кромѣ села Александровска при рѣкѣ Малой Дуэ, существуетъ и еще поселеніе ссыльныхъ при истокахъ рѣки Тымъ; отсюда предполагаютъ расселять ихъ далѣе по теченію рѣки Пльи до Охотскаго моря; другую же часть думаютъ отдѣлать для устройства пенитенціарныхъ колоній въ южной части острова и, подвигаясь затѣмъ одновременно къ югу отъ сѣвера и отъ юга къ сѣверу, просѣкая вмѣстѣ съ тѣмъ сахалинскія дебри, сойтись поселеніями въ средней части острова.

Не увлекаясь иллюзіями, пожелаемъ отъ души успѣха этому грандіозному, но не легкому предиріятію, а также—и того, чтобы наше мнѣніе было ошибочно, чтобы суровое Охотское море не мѣшало развитію хлѣбопашества въ широкихъ размѣрахъ.

Сахалинская Фрегатовка.

II. НА САХАЛИНѢ.

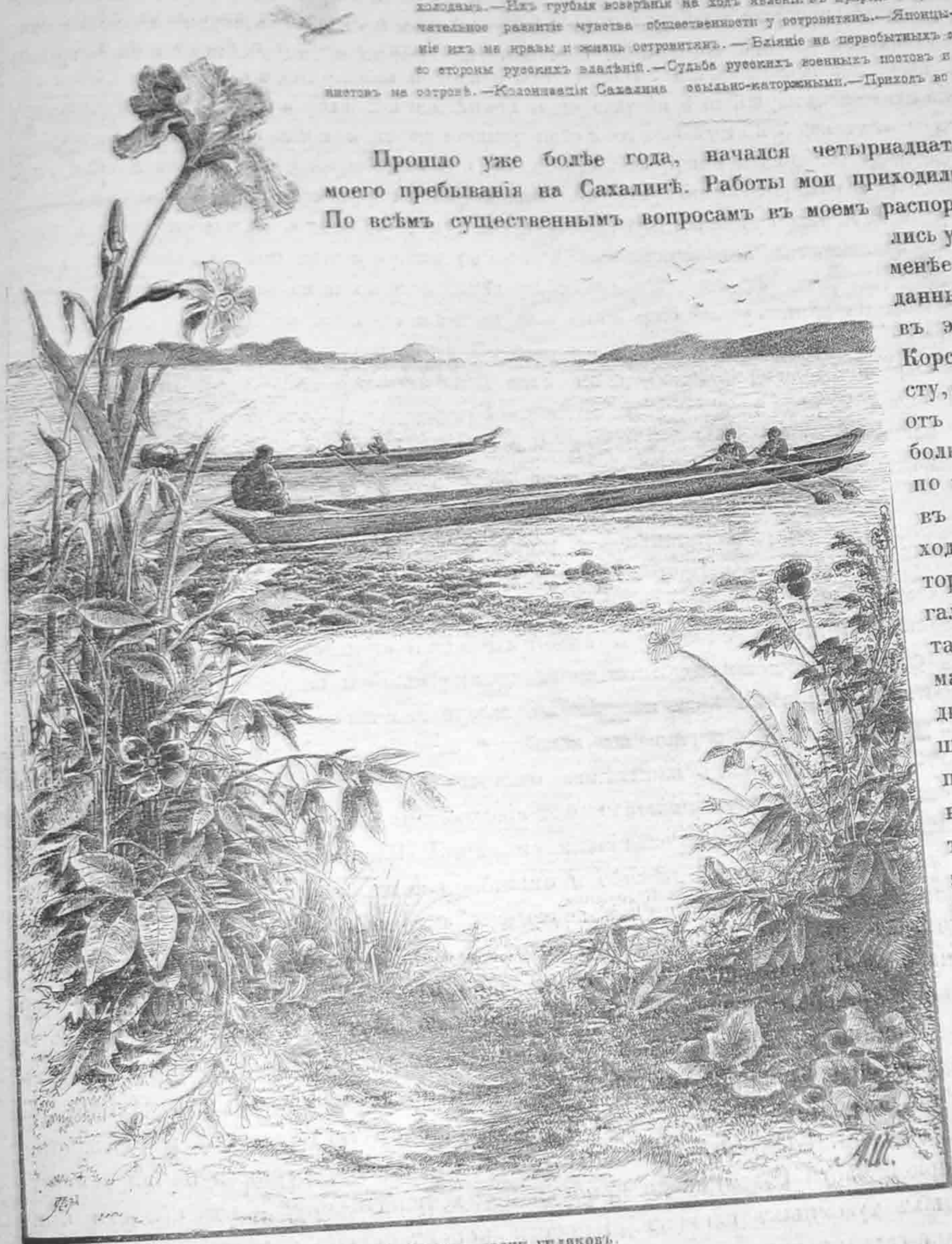
Въ ожиданіи судна въ Корсаковскомъ посту.—Мои отряженія въ Сахалину.—Природа острова.—Древнѣйшіе его обитатели.—Современные островитяне: айн, талки и ороки.—Внѣшній видъ и промышленный бытъ островитянъ.—Ихъ одежда, жилища и привычки къ холодамъ.—Ихъ грубый воззрѣніи на ходъ явленій въ природѣ и фетишизмъ.—Замѣчательное развитіе чувства общественной у островитянъ.—Японцы-рыбаки и вліяніе ихъ на нравы и жизнь островитянъ.—Вліяніе на первобытныхъ жителей острова со стороны русскихъ владѣній.—Судьба русскихъ военныхъ постовъ и крестьянско-колонистовъ на островѣ.—Колонизація Сахалина осмысленно-маторскими.—Приходъ въ Владивостокъ.

Прошло уже болѣе года, начался четырнадцатый мѣсяцъ моего пребыванія на Сахалинѣ. Работы мои приходили къ концу. По всѣмъ существеннымъ вопросамъ въ моемъ распоряженіи имѣ-

лись уже болѣе или менѣе достаточныя данныя. Находясь въ это время въ Корсаковскомъ посту, я дѣлалъ время отъ времени небольшія экскурсіи по окрестностямъ, въ ожиданіи прихода судна, на которомъ предполагалъ добраться до такого пункта на материкѣ, гдѣ люди привыкли болѣе пользоваться присущей имъ личной свободой, чѣмъ то можно видѣть здѣсь, на островѣ. Не задаваясь преждевременно какими либо планами, хотя бы и на ближайшее будущее, я въ свободныя минуты мысленно сводилъ итоги по разнымъ статьямъ приходившей уже къ

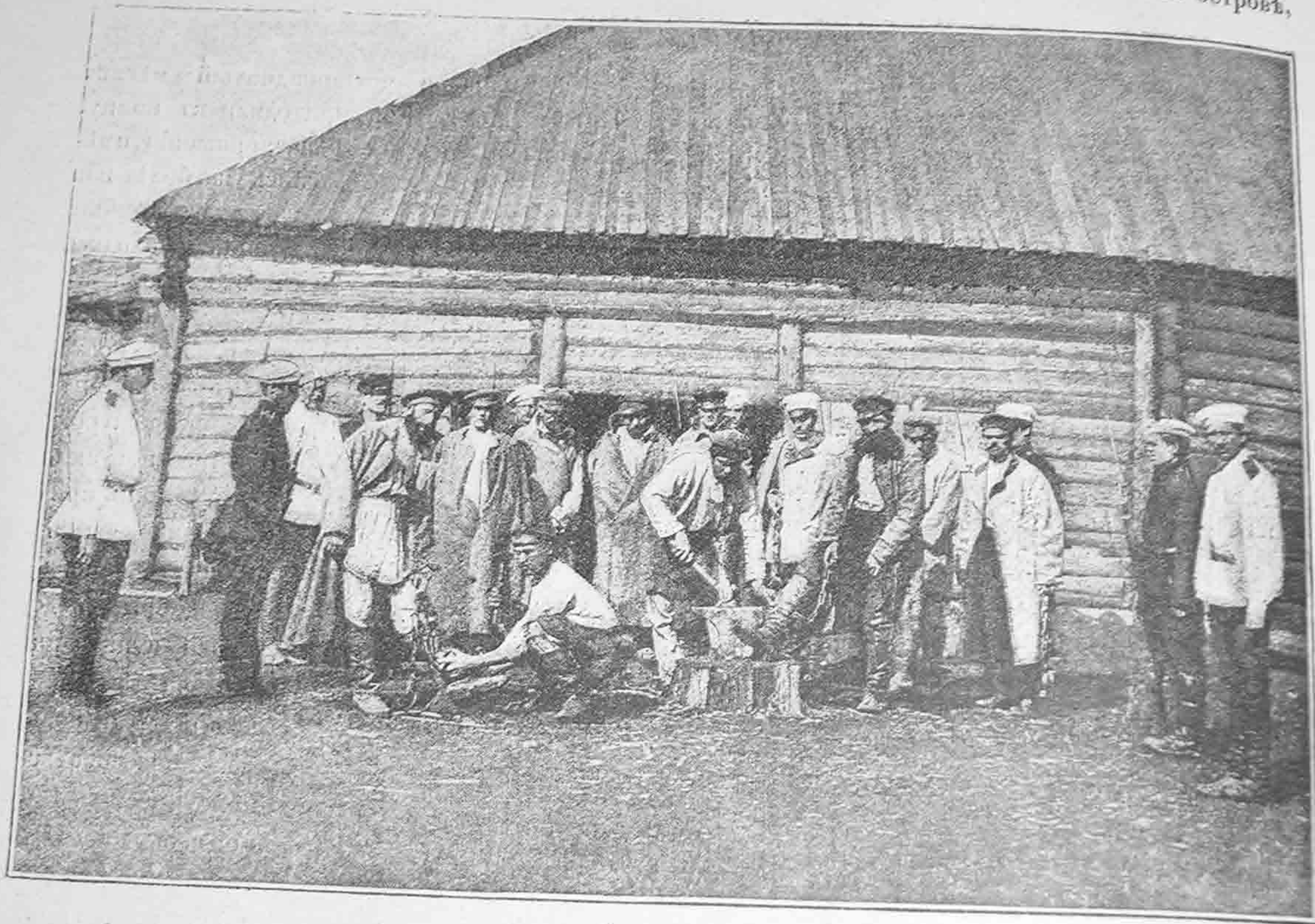
Долбленныя лодки гелыковъ.

концу своей дѣятельности въ странѣ изгнанія. Наконецъ, въ половинѣ іюля, далеко на гор-

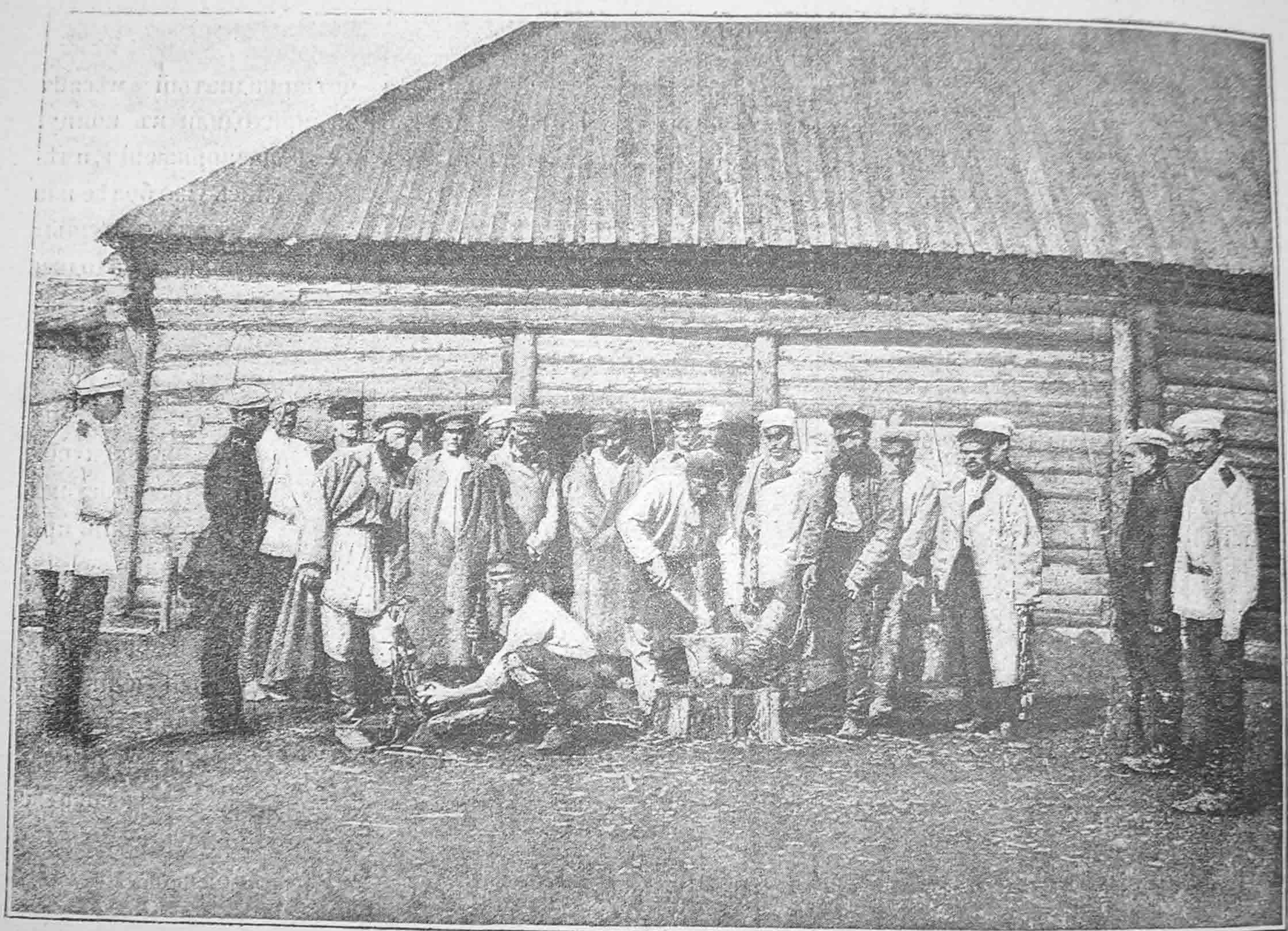
зонтъ Анивскаго залива, показался давно жданный и желанный дымокъ. Черезъ небольшой промежутокъ времени, двухмачтовое паровое судно отдало якорь на Корсаковскомъ рейдѣ. То былъ пароходъ «Байкаль», только въ первый разъ начавшій свои рейсы по портамъ Приморской области; съ нимъ, черезъ нѣсколько дней, я долженъ направиться во Владивостокъ. Такъ это и случилось.

Очувившись на суднѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ, я почувствовалъ облегченіе, — какъ будто «гора съ плечъ свалилась». Я былъ теперь уже изолированъ нѣкоторымъ воднымъ пространствомъ отъ острова, пребываніе на которомъ сдѣлалось прошедшимъ. Это ближайшее прошедшее такъ недавно еще было для меня или тяжелымъ настоящимъ, или же загадочнымъ, иногда причинявшимъ тревогу, будущимъ. Почти четырнадцать мѣсяцевъ жизни на островѣ,

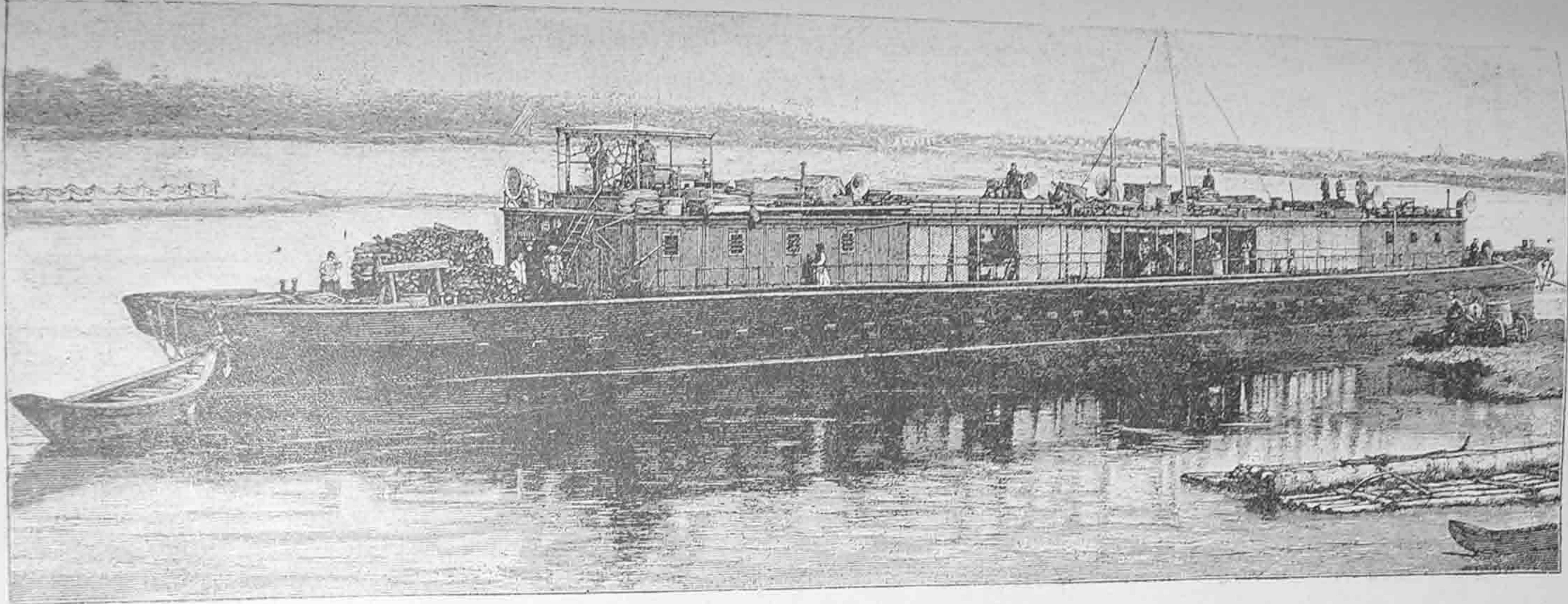

Каторжные.

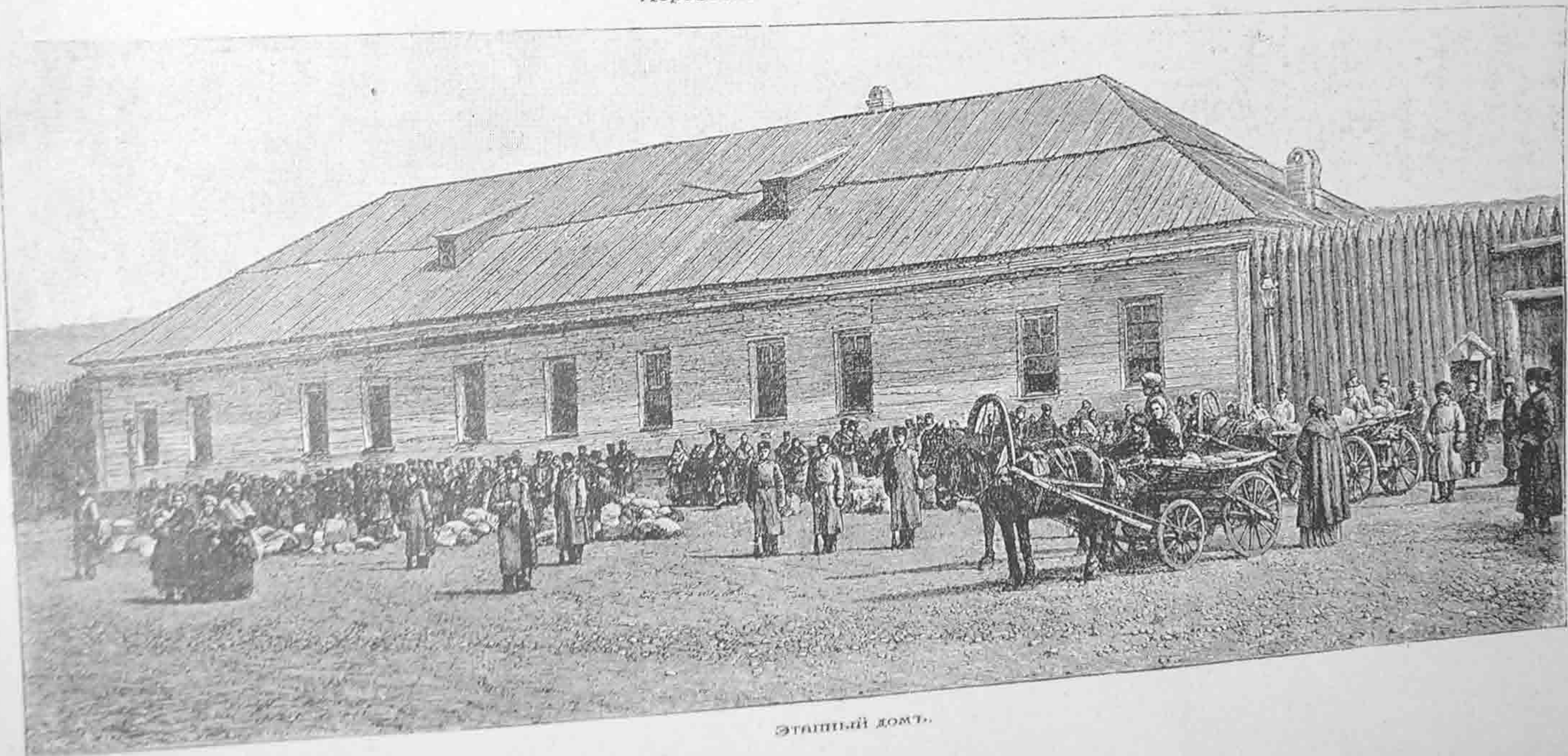
въ разныхъ его пунктахъ, въ различные періоды года, оставили во мнѣ такую массу впечатлѣній, въ которой на первый разъ легко затеряться, заблудиться, подобно тому, какъ это можетъ случиться на дѣлѣ, среди громадныхъ сахалинскихъ лѣсовъ и дебрей, съ неопытнымъ и неумѣлымъ странникомъ. Вспомнилось мнѣ продолжительное пребываніе въ предѣлахъ Александровской тюрьмы на среднемъ Сахалинѣ, экскурси и поѣздки въ область Дунайской тюрьмы—старѣйшей на островѣ, затѣмъ поѣздки и пребываніе въ третьемъ изъ мѣстъ заключенія—въ тюрьмѣ Тымовской. Въ концѣ прошлаго лѣта и въ началѣ осени я почти два мѣсяца провелъ въ сѣверной части Сахалина до прибрежій Охотскаго моря,—въ области обитанія немногочисленныхъ туземныхъ племенъ. Проведя конецъ осени и часть зимы въ предѣлахъ тѣхъ же средне-сахалинскихъ тюремъ и ихъ окрестностей, въ февралѣ выѣхавшаго года я былъ около водъ Охотскаго моря, при заливѣ Терпѣвія. Четырехмѣсячное испытаніе

Каторжные.

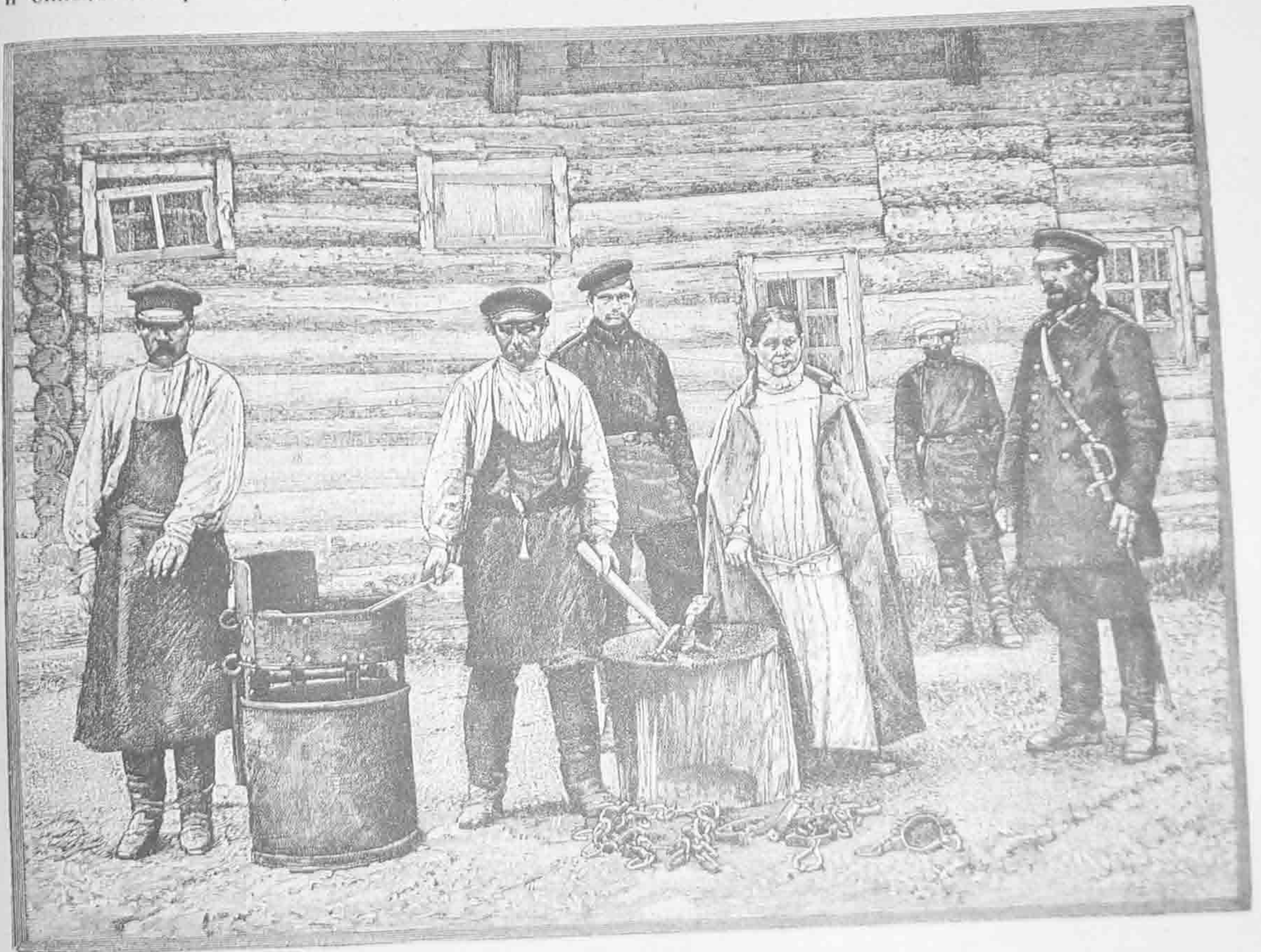
Перевозка ссыльныхъ на Сахалинъ.

Этапный домъ.

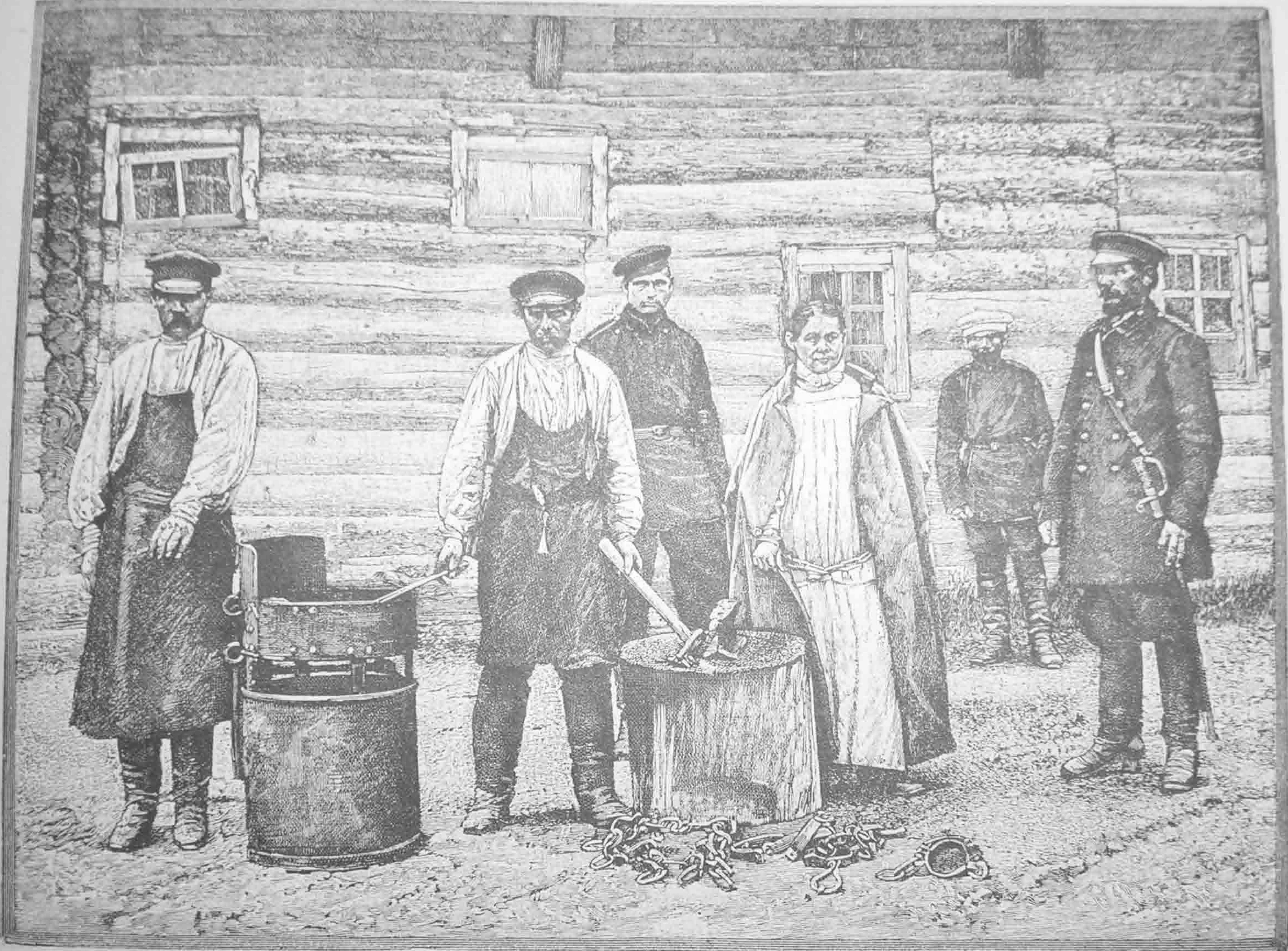
здѣсь, среди негостепримной природы и мѣстныхъ первобытныхъ жителей, послужило для меня хорошимъ урокомъ, вмѣстѣ съ которымъ я получилъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ краемъ.

Съ глубокой скорбію вспоминаю о томъ, какъ я вынесъ здѣсь всю тяжесть симптомовъ отравы, которую два раза, — повидимому не безъ злаго умысла и не безъ корыстныхъ цѣлей, — давали мнѣ въ домѣ единственнаго здѣсь русскаго, бывшаго ссыльнаго, а нынѣ ведущаго торговлю съ туземцами. Въ концѣ мая я былъ въ морскомъ пути, на югъ острова. Моя эскадра, состоявшая изъ трехъ долбленыхъ мѣстныхъ лодокъ, боролась и съ волненіемъ, и съ бурунами, обходя береговья скалы. Разъ я, около морского берега, сильно утомленный и спящій во время морского прибоя, былъ выброшенъ изъ челнока въ холодныя воды Охот-

Заковываніе каторжныхъ.

скаго моря, и меня спасъ, всегда бывшій мнѣ вѣрнымъ слугою, ссыльно-каторжный Муеса, родомъ чеченецъ. Въ половинѣ іюня меня встрѣтили въ долинѣ рѣчки Токоя сильныя дожди, которые въ верховьяхъ рѣчки Суэун превратились въ ливни. Три дня и три ночи стояли мы на одномъ мѣстѣ, въ пустынѣ; за проливными дождями послѣдовало наводненіе, — весь путь впереди былъ затопленъ. Мы шли пѣшкомъ по тайгѣ, частью среди лѣсовъ, главнымъ же образомъ по равнинамъ, занятымъ травами (часто превышающими человѣческой ростъ), въ родѣ сахалинскаго полигонума или лопушника, и кустарниками въ родѣ высокаго, колючаго сахалинскаго шиповника. Мы едва открывали человѣческія тропы, нерѣдко раздвигая траву при помощи туземныхъ копій, нападали часто на медвѣжьи тропы и сбивались съ пути. У меня было восемь человѣкъ носильщиковъ для довольно тяжелой клади, состо-

Заковывание каторжныхъ.

явшей главнымъ образомъ изъ научныхъ коллекцій. Носильщиками были айны и одинъ ссыльно-каторжный. Во время невольной стоянки, айны съѣли послѣднюю, взятую на случай, собаку; пришлось питаться кореньями и растительными стеблями. У меня осталась послѣдняя горсть черныхъ сухарей и кусокъ (варки на двѣ) солонины. Дожди начали ослабѣвать; я послалъ впередъ, въ Кореаковскій постъ, двухъ гонцовъ съ просьбой о помощи, началъ и собственное движеніе по тому же направленію съ кладью и остальными носильщиками. Мы провели еще ночь въ пути. Затѣмъ, верстахъ въ тридцати отъ поста, насъ, лишенныхъ всякой провизіи, встрѣтила желанная помощь.

Лѣтнія жилища айновъ.

Если присоединить къ этому, что переходы и экскурсіи по острову были сдѣланы пѣшкомъ, среди лѣсовъ, болотъ и песковъ, при всевозможныхъ температурахъ и погодахъ, верхомъ на лошадахъ или въ саняхъ, по глубокимъ сугробамъ снѣга, на собакахъ и оленяхъ, по пустынямъ, нерѣдко при

морозахъ, превышавшихъ 35° Цельсія, при выюгахъ и снѣговыхъ мятеляхъ, наконецъ, если упомянуть о продолжительныхъ переѣздахъ по рѣкамъ и по морскимъ водамъ, часто при сильномъ волненіи и вѣтрахъ, въ первобытныхъ долбленыхъ лодкахъ туземцевъ,—то всемъ этимъ будетъ исчерпана, въ общихъ контурахъ, исторія моихъ странствованій.

Сахалинъ—одинъ изъ чрезвычайно своеобразныхъ по своей природѣ уголковъ земного шара. Начавшись нѣсколько южнѣе 46° с. ш. мысомъ Крильонъ, онъ, съ нѣкоторыми изгибами, придерживается въ общемъ одномъ и того-же меридіана и тянется не широкой и не-

Сахалинскіе айны.

виолиѣ правильной полосой къ сѣверу, гдѣ и кончается мысомъ Елизаветы, почти подъ 54° 30' с. ш. Такимъ образомъ онъ раскинулся по широтѣ приблизительно на восемь съ половиной градусовъ. По западному берегу, почти вдоль всего острова, раскидывается Западный или Большой Сахалинскій хребетъ. Онъ только въ сѣверной части немного отходитъ отъ моря въ глубь острова; въ южныхъ же и среднихъ частяхъ Сахалина его вѣтви образуютъ у водъ Татарскаго пролива ряды береговыхъ скалъ и мысовъ, между которыми не имѣется, впро-

чемъ, ни одной хорошей бухты или гавани, гдѣ-бы пловцы на судахъ могли найти себѣ защиту отъ бурь и непогодъ, нерѣдко омрачающихъ поверхность пролива. При непогодѣ, даже съ «дуйскаго» рейда суда снимаются и идутъ «отстаиваться» въ заливъ де-Кастри на материкѣ. По восточному берегу, въ средней части острова, тянется другой хребетъ, почти параллельно первому, это—Восточно-Сахалинскій, еще болѣе угрюмый и негостепріимный горный хребетъ. Въ самой южной части острова, въ которую съ юга вдается Анивскій заливъ, идутъ также почти меридіонально два небольшіе хребта, одинъ береговой, другой центральный—Сусуя-Онеайскій, правильнѣе—Сусуя-Токойскій. Благодаря системѣ параллельныхъ сахалинскихъ хребтовъ, изъ коихъ въ главномъ многія вершины уходятъ на высоту болѣе 3,000 футовъ

надъ уровнемъ моря и гдѣ отроги хребтовъ часто подходятъ другъ къ другу,—на островѣ гористые, возвышенныя пункты являются преобладающими надъ гладкими долинами или равнинами. Небольшіе, но многочисленныя ручьи и рѣчки перерѣзываютъ поперекъ хребты и по узкимъ, скалистымъ ущельямъ быстро низвергаются въ море, нерѣдко даже красивыми шумными каскадами и водопадами, прямо съ отвѣсныхъ береговыхъ скалъ.

Водные осадки на островѣ весьма изобильны, лѣтомъ въ видѣ дождей, зимой — страна одѣвается мощнымъ снѣговымъ покровомъ. Если въ теплыя времена года туманы не закутываютъ густымъ, непроницаемымъ вуалемъ острова, со всѣми его горными вершинами, береговыми скалами, то онъ покажется со сторо-

Типы айновъ, жителей южной части Сахалина.

ны моря сытому путнику на хорошемъ суднѣ во всей его молчаливой и негостеприимной красотѣ. Но если, примѣрно лѣтомъ, низвергаются съ высоты дождевыя ливни, то узкія полоски и клочки земли около береговыхъ пунктовъ настолько заполняются водой, какъ и во всѣхъ горныхъ странахъ, что превращаются почти въ болото.

При параллелизмѣ хребтовъ естественно ожидать продольныхъ долинъ, которыя и на самомъ дѣлѣ существуютъ. Изъ нихъ наиболѣе обширныя на Среднемъ Сахалинѣ: Тымовская съ уклономъ почти на сѣверъ и съ рѣкой, впадающей въ Ныйскій заливъ въ области Охотскаго моря, и Поро-найская, раскинувшаяся къ югу и упирающаяся съ орошающей ее рѣкою въ заливъ Терпѣнія. Главныя рѣки обѣихъ долинъ въ общемъ мелководны, особенно въ верховьяхъ и въ среднемъ теченіи. Онѣ представляютъ массы препятствій для плаванія на сколько-нибудь порядочныхъ лодкахъ: или порожины, уеѣяны мелями, или же русла ихъ загромождены карчами, иногда въ такой степени, что наносный лѣсъ является среди водъ въ видѣ настоящихъ сплошныхъ запрудъ. Рѣки извилисты, образуютъ часто массы протоковъ, усиливающихъ мелководье. При дождяхъ или весеннемъ половодьѣ, онѣ выходятъ изъ береговъ, широко заливая долины. Самыя долины порѣзаны старицами, озерами, уеѣяны болотами или неспирены ручьями и рѣчками, скатывающимися съ окрестныхъ горъ въ главныя рѣки.

Типъ стараго айна.

Въ низовьяхъ долины рѣкъ, по ихъ почвѣ, принимаютъ характеръ тундры глубокаго сѣвера. При устьяхъ р. Тыми, въ торфяникахъ или дюнныхъ пескахъ, на глубинѣ аршина, покоится вѣчная мерзлота. Сообразно съ почвой, въ низинахъ восточныхъ прибрежій Саха-

лина, не говоря о значительныхъ горныхъ высотахъ, господствуетъ полярная или альпійская растительность—и это на широтѣ Оренбурга, Саратова, Курска, Кіева, Варшавы, а затѣмъ далеко южнѣе,—почти до широты Крыма и сѣвернаго Кавказа, представители флоры: клюква, морошка, брусника, многіе вересковые виды и извѣстный приземистый, карликовый кедръ или, такъ называемый, кедровый сланецъ. Въ среднихъ частяхъ рѣчныхъ долинъ лиственный нал, такъ называемый, кедровый сланецъ. Въ среднихъ частяхъ рѣчныхъ долинъ лиственный нал, такъ называемый, кедровый сланецъ. Въ среднихъ частяхъ рѣчныхъ долинъ лиственный нал, такъ называемый, кедровый сланецъ. Въ среднихъ частяхъ рѣчныхъ долинъ лиственный нал, такъ называемый, кедровый сланецъ. Въ среднихъ частяхъ рѣчныхъ долинъ лиственный нал, такъ называемый, кедровый сланецъ.

Сахалинская природа больше мачиха, чѣмъ мать для человѣка. Она не давала ему возможности идти впередъ, развиваться прогрессивно въ культурномъ отношеніи, и туземцы,

Собачьи варты.

населяющіе островъ въ разныхъ мѣстахъ, остались до сихъ поръ полудикими ея сынами или пасынками. Начиная отъ весьма древнихъ временъ, туземцы не измѣнили, часто въ самыхъ существенныхъ чертахъ, ни способовъ борьбы съ окружающею ихъ природою, ни взглядовъ на нее, издавна сложившихся, грубыхъ, первобытныхъ и поучительныхъ для наблюдателя. Однако-же, можно сказать съ полнымъ основаніемъ, что природа никогда не оставляетъ для человѣка этого культурнаго «*statu quo*» безнаказаннымъ, тѣмъ болѣе природа суровая, плодотворная борьба съ которою требуетъ громаднхъ трудовъ и усилій. По всему этому въ настоящее время количество сахалинскихъ островитянъ наименьшее, по сравненію съ болѣе или менѣе отдаленнымъ прошлымъ, уходящимъ къ той эпохѣ, когда здѣшнимъ обитателямъ еще не было извѣстно употребленіе металловъ. Словомъ, древнѣйшіе обитатели острова имѣли топоры, наконечники стрѣлъ и копій изъ камня, точно также различныя домашнія принадлежности—изъ кости; вмѣстѣ съ тѣмъ они умѣли выдѣлывать своеобразную глиняную посуду. Слѣды своего существованія эти представители каменнаго вѣка оставили на южномъ Сахалинѣ въ большихъ кучахъ изъ различныхъ раковинъ, въ родѣ устрицъ, живое содержимое которыхъ служило имъ

Типы сильно-каторжныхъ на Сахалинѣ.

пищею. Между тѣми же, такъ называемыми, «кухонными остатками» я находилъ кости китообразныхъ животныхъ, тюленей, медвѣдей, собакъ и даже кабана, который, значить, въ старину водился на островѣ, но теперь безслѣдно исчезъ. Всѣ эти животныя также входили въ составъ кухни вымершаго первобытнаго человѣка. Лѣтъ около полутора ста или двухъ сотъ назадъ, южные островитяне уже были знакомы съ металлическими издѣліями и орудіями. Это время было ихъ цвѣтушей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конечной порой существованія. Около этого періода времени, напримѣръ, въ окрестностяхъ Поро-найскаго устья, при заливѣ Терпѣнія, сравнительно на ничтожномъ пространствѣ, населеніе было настолько велико и густо, что, несомнѣнно, превосходило по численности все нынѣшнее населеніе Южнаго Сахалина. То были многочисленныя деревеньки, отдѣльныя хижинки и даже городища, съ сотнями землянокъ, располагавшихся цѣлыми рядами. Отъ жилищъ этихъ обитателей остались въ почвѣ ясно замѣтныя ямы, съ кучами раковинъ, съ костями морскихъ млекопитающихъ, рыбъ и всего того, что доставляло имъ пищу. Находилъ я даже горшки въ землѣ, содержавшіеся въ которыхъ двухстворчатые моллюски почему то не были съѣдены. Повидимому, хозяевъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ жилищъ постигла какая-то катастрофа, вытекавшая, вѣроятно, изъ собственнаго склада ихъ жизни. Въ ямахъ, служившихъ жильемъ и вырытыхъ въ песчаной, дюнной почвѣ, растутъ донинѣ корявыя, хотя и толстыя, листовницы. Изъ нихъ многія уже давно срублены современнымъ человѣкомъ, и на оставшихся пняхъ я насчитывалъ часто болѣе 125 годовыхъ слоевъ,—указаніе, когда именно мѣстность эта опустѣла и своеобразная жизнь погасла здѣсь. У современныхъ обитателей здѣшней мѣстности существуетъ преданіе, что многочисленные, исчезнувшіе отсюда, ихъ предшественники напоследокъ вели междоусобицы, ссоры и распри. Этимъ-то и воспользовались предки теперешнихъ здѣшнихъ жителей, которые начали нападать на нихъ, жгли ихъ жилье и такимъ образомъ или истребили ихъ, или заставили ихъ выселиться, удалиться на сѣверъ. Одинъ старый айнь при разговорѣ по этому поводу даже спрашивалъ меня черезъ переводчика:—«Ты, видно, много по землѣ ѣдишь, не видалъ-ли гдѣ-либо ихъ, этихъ «тончи»? Я глубокомысленно подумалъ, потрясъ головой и сказалъ:—«не случалось»; причемъ айнь, покуривая трубку или «ганзу», также склонилъ голову и задумался...

Современные айны—ближайшіе родственники этихъ вымершихъ обитателей. По нынѣшнему айнскому преданію, преслѣдованіе «тончей» началось въ то время, когда они имѣли всѣ орудія изъ камня и костей, но сходились съ теперешними своими соплеменниками по одеждѣ, по способу постройки жилья, также потому, что мужчины ихъ сбрасывали или срѣзывали себѣ волосы съ передней части лба, какъ это и теперь принято у айновъ. Есть основаніе думать, что и въ языкѣ было если не тождество, то сходство. Такимъ образомъ айны, жители южной части Сахалина, во многихъ отношеніяхъ—живой образъ ихъ здѣшнихъ предшественниковъ. Разница только въ томъ, что они регрессировали, забывъ способъ выдѣлки глиняной посуды; глина употребляется у нихъ только для выкладки очаговъ въ зимнихъ, врытыхъ въ землю хижинахъ и въ дымовыхъ трубахъ, остовомъ для которыхъ служитъ цыновка, свернутая цилиндромъ; эта послѣдняя и обмазывается глиной внутри и снаружи. Сѣверную половину острова занимаютъ главнымъ образомъ гиліаки, хижинны и небольшія деревеньки которыхъ разбросаны по долинамъ рѣчекъ и по морскимъ побережьямъ. Я, на основаніи личныхъ наблюденій, пришелъ также къ заключенію, что и имъ предшествовало, въ занимаемыхъ теперь областяхъ, племя, замѣнявшее въ своихъ издѣліяхъ и инструментахъ металлъ камнемъ и костью. Ороки—третье сахалинское племя, пришедшее на островъ, видимо въ болѣе новое время.

Изъ этихъ трехъ народностей айны ведутъ свое происхожденіе отъ медвѣдя,—онъ ихъ первый родоначальникъ. Доказывается это тѣмъ, что айны вообще народъ волосатый, лохматый, какъ медвѣдь. Кромѣ густыхъ черныхъ волосъ на головѣ, айны мужчины имѣютъ большіе усы и густую длинную бороду, закрывающую большую часть ихъ смуглаго лица;

скулы весьма развиты; тѣло ихъ также въ изобиліи покрыто волосами. Ороки считаютъ своимъ прародителемъ сѣвернаго оленя, играющаго важную роль въ ихъ жизни, находящагося у нихъ въ домашнемъ состояніи. Въ противоположность айнамъ, у нихъ лицо голое, безусое и безбородое. Гиляки занимаютъ средину между айнами и ороками по небольшимъ усамъ и бородѣ. Это—своеобразное племя, у котораго и до сихъ поръ сохранилось сожиганіе труповъ покойниковъ. Небольшіе, въ той или другой степени косо лежащіе глаза, весьма замѣтная скуловатость у представителей всѣхъ этихъ племенъ,—говорятъ объ ихъ восточно-азиатскомъ происхожденіи, не исключая и айновъ, которыхъ по этому напрасно даже многіе представители науки причисляли къ европейскому племени. Сахалинская природа наложила свою однообразную печать на бытъ всѣхъ этихъ разноплеменныхъ жителей острова.

Островитяне не имѣютъ понятія о какихъ либо искусственныхъ путяхъ сообщенія, а пользуются естественными. Зимой совершаютъ свои путешествія на собакахъ, на протяженіи всего острова; ороки, кромѣ того, на оленяхъ; лѣтомъ—въ долбленыхъ лодкахъ по рѣкамъ, рѣчкамъ и даже по морскимъ побережьямъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ приходится бороться имъ съ бурями среди морскихъ водъ, съ снѣговыми мятелями, съ сугробами, съ свалившимися деревьями

Гилякъ—выдѣлыватель шкуръ.

среди чащи лѣса. Съ начала осени до конца зимы они ловятъ медвѣдей, лисицъ, соболей, выдръ, кабаргу, частію сѣвернаго оленя, водящагося въ дикомъ состояніи на островѣ. Весной же начинается ходъ рыбы въ рѣки, который лѣтомъ усиливается,—и тогда наступаетъ настоящая пора рыбнаго лова. Рыба идетъ часто въ громадномъ изобиліи и превосходнаго качества, но и наловить ея нужно много въ запасъ на зиму, и для себя и для собакъ. Во время хода прекраснѣйшихъ сортовъ разныхъ видовъ лососей, рѣки и рѣчки кажутся иногда естественными живорыбными садками. Даже трудно повѣрить, какой массой идутъ эти рыбы. Въ то же время весной подходит къ берегамъ острова въ южныхъ его частяхъ громадными рунами сельдь. Все это составляетъ истинное богатство Сахалина.

Однако-же, при всѣхъ этихъ условіяхъ, жители умудряются оставаться часто безъ рыбы, даже безъ пищи, и ждутъ случая, не выкинетъ-ли гдѣ либо изъ моря на берегъ дохлаго кита, каковыя въ особенности изобильны въ водахъ Охотскаго моря. Китовъ, потерявшихъ жизнь, дѣйствительно, выбрасываетъ на берега,—и тогда туземцы вволю унимаются ихъ жиромъ. Островитяне всѣхъ племенъ не упускаютъ ничего изъ виду,—какъ предметъ пропитанія. Всѣ звѣри, не исключая и хищныхъ, въ родѣ лисицы, соболя, выдры, идутъ въ пищу въ сыромъ и вареномъ видѣ; разныхъ видовъ нерпы или тюлени и въ особенности собака составляютъ любимое блюдо. Собака, собственно, играетъ у нихъ роль домашней овцы. Бсть нечего,—значитъ, надо давить собаку. Въ началѣ весны, преимущественно въ южныхъ частяхъ острова, жители, женщины и дѣти, систематически осматриваютъ берега морей и ищутъ ракушекъ, улитокъ, даже морскую капусту, для утоленія голода; но повсемѣстно стебли разныхъ растеній, корни и корневища собираются весной для насущной пищи и для заготовленія въ прокъ.

Всѣ островитяне, сообразно съ ихъ промыслами и собственной ихъ производительностью, имѣютъ свою, мѣстную, одежду изъ собачьихъ и тюленьихъ кожъ, въ частности же ороки—и изъ оленьихъ. Аинки умѣютъ ткать для мужей халаты изъ древеснаго луба, дѣлаютъ изъ

растительныхъ стеблей циновки для домашняго обихода и наряду съ гилачками готовить рыболовныя сѣти изъ крапивы. Общепринятый во многихъ мѣстахъ женскій костюмъ, весьма несложный, состоитъ изъ сшитыхъ вмѣстѣ рыбьихъ кожъ, изъ которыхъ уже потомъ выкраивается халатъ и все то, что хотя частію прикрываетъ наготу. Въ послѣднее время, какъ матеріалъ для костюмовъ, туземцы пріобрѣтаютъ русскіе и японскіе товары, сукно, солдатское или арестантское, также различныя бумажныя ткани, — часто какъ предметъ щегольства. Если жители недостаточно обезпечиваютъ себя отъ голода, то еще меньше — отъ холода, какъ по сравнительно легкой ихъ одеждѣ, такъ и по устройству жилья. Во время зимы въ ихъ хижинахъ, при морозахъ отъ 20 до 40° Ц., температура понижается по ночамъ, когда огни на очагахъ потухаютъ, далеко ниже точки замерзанія, между тѣмъ каждый изъ нихъ спитъ голый на какой-нибудь истертой собачьей шкурѣ, подъ покровомъ легкаго тулуна, свернувшись калачомъ. Я наблюдалъ туземцевъ зимой при сильныхъ морозахъ, въ лѣсныхъ пустыняхъ, — то были мои спутники: гилачки, айны и ороки, — какъ они располагались около разведеннаго костра на снѣгу, подставляли еловыя или пихтовыя вѣтви и на нихъ — собачину, раздѣвались догола на открытомъ воздухѣ, часто при вѣтрѣ, и ложились, прикрывшись почти лохмотьями, крѣпко засыная. Сонъ ихъ не прерывался даже и въ томъ случаѣ, когда костеръ, какъ это случалось обыкновенно, вполне потухалъ.

Не смотря на все эти неудобства по отношенію къ защитѣ отъ холода, туземцы во многихъ случаяхъ доживаютъ до глубокой старости. Я видѣлъ въ разныхъ мѣстахъ весьма старыхъ островитянъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ айнскихъ могилахъ около Кореаковскаго поста, изъ нѣсколькихъ десятковъ вырытыхъ мною череповъ, оказалось болѣе одной трети принадлежавшихъ такимъ старцамъ, которые обладали самымъ ничтожнымъ количествомъ зубовъ, — четыре, пять зубовъ, а то и одинъ составляли для нихъ богатство; большая же часть стариковъ безъ зубовъ, и зубныя лунки или альвеолы заросли у нихъ костнымъ веществомъ до такой степени, что какъ будто зубовъ никогда не существовало.

Непосредственная, даже грубая подчиненность природѣ проглядываетъ и въ массѣ своеобразныхъ чертъ физическаго склада организма мѣстныхъ жителей; здѣсь видно, какъ человекъ могъ приспособиться къ суровымъ условіямъ мѣстности и одновременно съ тѣмъ остался на самомъ низкомъ уровнѣ въ умственномъ отношеніи. Островитяне, сознавая силу природы, вкладываютъ въ нее душу, олицетворяютъ ее. Все сильное въ ней физически составляетъ предметъ поклоненія, божество. Главное божество на сушѣ, — это медвѣдь

Гилачка.

Молодой гилачкѣ

представитель правды, часто покровитель человека въ бѣдѣ—и около домашняго очага, и среди лѣсовъ. Когда онъ убитъ,—ему отдается рядъ религіозныхъ почестей, послѣ чего мясо его торжественно съѣдается туземцами, стекающимися для этого часто издалека на мѣсто праздника.

Что медвѣдь на сушѣ, то китообразное животное—касатка—въ морѣ. Будучи врагомъ другихъ китовъ, она причиняетъ имъ раны, отъ которыхъ онидохнуть и выбрасываются къ берегамъ, гдѣ доставляютъ пищу обитателямъ. По ихъ понятіямъ, касатка дѣлаетъ это намеренно,—оказываетъ милость жителямъ. Отправляясь на промыселъ, островитяне обыкновенно приносятъ жертву божествамъ, въ особенности когда выѣзжаютъ въ море для боя нерпъ или тюленей. Жертва дѣлается для того, чтобы извѣстное божество не разсердилось за невниманіе къ нему, не сдѣлало бы поэтому промыселъ неудачнымъ, не подвергло бы жизнь человека опасности. Выставляетъ туземецъ жертвенный столбъ, со всѣми на немъ религіозными атрибутами, часто и въ тѣхъ случаяхъ, когда ждетъ скорѣйшаго прихода рыбы или же того, чтобы божество измѣнило погоду и направило бы плавающіе весной въ морѣ льды, со всею массою находящихся на нихъ въ это время нерпъ, въ тѣ береговые пункты, гдѣ ловъ желанныхъ морскихъ обитателей наиболее легокъ и выгоденъ.

Гилакъ-голова, награжденный боярскимъ кифгано мѣ.

Я не говорю о массѣ другихъ божествъ, которыхъ, вмѣстѣ съ главными, туземцы, особенно ороки, выдѣлываютъ въ видѣ самыхъ грубыхъ деревянныхъ истукановъ. Это—лисица, нерпа, рыбы, даже нѣчто въ родѣ богочеловѣка. Человѣку, свыкшемуся съ европейскими взглядами на явленія въ природѣ, въ связи съ собственнымъ его появленіемъ въ ряду органическихъ созданій, все это покажется на первый взглядъ поразительнымъ, невѣроятнымъ, дѣтски грубымъ заблужденіемъ.

Если, съ одной стороны, въ жизни первобытныхъ обитателей острова обнаруживается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ какъ бы животный элементъ, то съ другой,—имъ нужно отдать справедливость за то, что у нихъ замѣчательно развито чувство общности. Они привыкли уважать взаимно личные интересы; всякій приобрѣтаетъ для себя, по возможности, все необходимое своимъ трудомъ, то, что имѣется насущнаго у одного, то же найдется и у другого. По этому у нихъ воровство немыслимо, хотя хижины съ имуществомъ на болѣе или менѣе продолжительное время оставляются хозяевами съ такими запорами, которые отпереть и ребенокъ, но не звѣрь, ради котораго только запоры и устраиваются. Во временно оставленной хижинѣ съ имуществомъ можетъ остановиться случайный путникъ, можетъ воспользоваться изъ нея необходимыми жизненными припасами; все же остальное долженъ оставить неприкосновеннымъ, иначе приметъ на себя грѣхъ, а то еще хуже—преслѣдованіе и священны судъ общества. Ловушки, поставленныя въ лѣсахъ, даже съ добычей, а также вещи, положенныя по хорошему нартовому пути,—все это должно принадлежать ихъ хозяину, а не первому прохожему или проѣзжему.

Если вы желаете въ какой-либо деревенькѣ нанять нарты или лодки, то ни одинъ изъ жителей не дастъ вамъ отвѣта сразу, а предварительно составляется всегда совѣтъ односельцевъ—и тогда уже дается отвѣтъ. Давъ слово, туземецъ исполнитъ его: онъ явится въ условленный пунктъ издалека, хотя-бы черезъ десять, пятнадцать дней и ночей,—не пропуститъ срока. Въ дорогахъ чувство взаимной помощи доведено у нихъ до замѣчательнаго совершен-

ства и точности; никого не оставляютъ одного, въ безпомощномъ положеніи, позади; всѣ дѣйствуютъ дружно и единодушно; слабого ставятъ въ передніе ряды или въ средину каравана, причемъ въ трудныхъ случаяхъ всѣ ему помогаютъ. Съ одинаковымъ единодушіемъ идетъ работа по прибытіи на ночлеги. Всякій знаетъ, что ему дѣлать; поэтому, при ненастныхъ погодахъ, когда нужно строить даже балаганы,—черезъ полчаса или часъ времени все бываетъ готово: нарублены дрова, заготовлены вѣтви на подстилку, пылаетъ костеръ и варится чай; путники закусываютъ сухой рыбой съ жиромъ нерпы, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается мирная бесѣда, даже шутки. Всѣ мелкія работы—принести воды, поставить котелки, лежать на болѣе молодыхъ, причемъ старѣйшіе сидятъ около костра, по старшинству дѣтъ. Молодые образуютъ часто свой отдѣльный рядъ, также соблюдая безусловно свои года. При этой іерархической основѣ, по старшинству дѣтъ, въ обсужденіи общаго хода предпріятія отдается, обыкновенно, предпочтеніе мнѣнію бывалаго, опытнаго и умнаго, если-бъ онъ даже и не былъ старъ годами.

Я никогда не видалъ въ дорогахъ, нерѣдко при большихъ трудностяхъ и опасностяхъ, ни ссоръ, ни брани между моими проводниками разныхъ племенъ. Условленная плата дѣлится всегда между ними поровну, независимо отъ возраста или какихъ-либо другихъ преимуществъ туземца. Всѣ ихъ общественныя, такъ сказать,—принципіальныя, добродѣтели видоизмѣняются, однако-же, въ дурную сторону въ ихъ жизненномъ складѣ, что объясняется вмѣшательствомъ постороннихъ, пришлыхъ народныхъ элементовъ, старающихся обратить добродѣтель въ свою собственную пользу и въ ущербъ интересамъ мѣстнаго населенія. Островитяне защищаютъ единодушно, дружно свои интересы въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживается покушеніе на имущество или жизнь. Съ особенной силой проявилось это чувство самозащиты въ недавнее время, съ приходомъ нашихъ ссыльныхъ, когда во многихъ мѣстахъ были уничтожены и разграблены жилища туземцевъ и вырѣзаны ихъ семьи. Мщеніе не обходилось безъ кровопролитія, такъ что нарушители порядка недалеко уносили свои головы въ цѣлости. Дурная молва о бродягахъ, или,—какъ называютъ ихъ островитяне, — «варнакахъ»,

Оружіе и орудія гильяковъ.

скоро распространилась, и теперь, даже мирно идущій бѣглецъ, сильно рискуетъ лишиться жизни и принести свою одежку въ жертву мѣстнымъ жителямъ. Къ мирнымъ гражданамъ туземцы относятся почтительно, радушно, безъ всякой тѣни на какія-бы то ни было посягательства. Я проводилъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣсколькимъ днямъ и даже недѣль въ хижинахъ туземцевъ. После отлучекъ на экскурсіи, я находилъ мое походное имущество, часто довольно разнородное, въ цѣлости, неприкосновеннымъ; даже малыя дѣти обходили его, если оно бывало разбросано.

Наиболѣе доступна эксплуатація общественныхъ добродѣтелей туземцевъ съ другой, такъ сказать,—коммерческой стороны, въ томъ случаѣ, когда заѣзжій иноземецъ мирно покупаетъ трудъ мѣстнаго жителя или продукты этого труда. Въ этомъ отношеніи иноземецъ всегда выигрываетъ, а туземецъ проигрываетъ, входитъ въ долги, въ нищету, часто впадаетъ въ преступленіе, въ невольный обманъ, а затѣмъ почти въ рабство. Съ этой стороны эксплуатировали островъ, преимущественно южную его часть, японцы, которымъ она до недавняго времени и принадлежала, какъ провинція. Теперь же японцы приходятъ на Сахалинъ вслѣдствіе данной имъ льготы, такъ какъ онъ перешелъ въ составъ русскихъ владѣній; около сорока или пятидесяти судовъ лѣтомъ нагружаются здѣсь рыбой и осенью уходятъ обратно, въ свои

владѣнія. Кромѣ рыболовныхъ выгодъ, японцы не нашли здѣсь для себя никакихъ другихъ. Рисъ не родится въ самыхъ южныхъ частяхъ острова, слѣдовательно постоянныхъ поселеній здѣсь основать имъ было не возможно. Какъ прежнія, такъ и нынѣшнія отношенія инноплеменныхъ и заѣзжихъ рыбаковъ къ туземцамъ остались тѣ-же самыя: айны и трудъ ихъ порабощены; всѣ айны безъ исключенія обязаны работать на японцевъ. Для этого рыбаки выдаютъ рабамъ-работникамъ свои снасти, причемъ все лучшее въ уловѣ отбирается, самимъ-же айнамъ остается только хламъ для насущнаго пропитанія; собственныя снасти айнамъ имѣть запрещается. Рѣки при устьяхъ перегораживаются, такъ что рыба въ верховья проникнуть не можетъ, по этому невозможно удалиться туда и айнамъ. За то послѣдніе часто увозятся японцами изъ болѣе многочисленныхъ поселеній въ такія мѣста, гдѣ туземцевъ, какъ работниковъ, мало. Главнѣйшая плата за все—рисъ и табакъ въ самыхъ скудныхъ дозахъ. Но все достояніе, какое только айнъ имѣетъ, даже самого себя и свою семью, отдаетъ онъ за японскую водку—саки. Японцы-рыбаки—народъ безсемейный, поэтому аинская семья становится притомъ самаго безстыднаго, возмутительнаго разврата, вмѣстѣ съ которымъ вносятся въ нее всѣ, растлѣвающія организмъ, болѣзни. Съ отъездомъ японцевъ въ свои края, айны остаются безъ достаточнаго запаса сухой рыбы для себя и для собакъ; къ концу зимы и по веснѣ у

Идолы гилжковъ

нихъ наступаетъ почти голодовка. Въ такомъ положеніи не одинъ изъ нихъ, полу-нищій, рѣшится, можетъ быть, на обманъ, покривить душой, обнаружить покушеніе на чужую собственность. Только присущая айнамъ, какъ и другимъ сахалинскимъ обитателямъ, всеядность, сохраняетъ ихъ отъ быстрого вымирания, а въ общемъ они остаются людьми миролюбиваго, кроткаго характера.

Съ сѣвера туземцы (гиляки и ороки, а также и айны) подвергались издавна другому вліянію,—первоначально манджурскому, черезъ посредство мангуновъ, а потомъ русскому, — съ основаніемъ города Николаевска. Все это торговцы,—до сихъ поръ, по первому снѣговому пути, они вторгаются къ островитянамъ на собачьихъ нартахъ съ разными мелочными товарами, въ числѣ которыхъ находится манджурскій табакъ, кирпичный чай, желѣзныя копыя, бусы, серьги, иголки, платки, частію красные товары; сюда же входятъ манджурскіе халаты, шелковые или полу-шелковые, также клинки, все достоинство которыхъ опредѣляется по ножнамъ: въ какой степени онѣ узорчаты, въ такой-же и цѣнны, а самого клинка хотя-бы и не бывало. При узорахъ изъ

Гиляки борцы.

накладнаго серебра или же изъ посеребренной латуни, бронзы, стоимость клинка опредѣляется отъ 20 — 30 до 40 соболей. Точно также цѣнятся и халаты, начиная отъ 10 до 40 и 50 соболей за штуку. Поясъ аинки, состоящій изъ мѣдныхъ узорчатыхъ бляхъ, навязанныхъ на ремень, съ рабочимъ ножомъ, превышаетъ стоимостью 60 соболей. Все

это предметы традиціонныя, цѣна на которые установилась издавна, когда соболь не составлялъ для туземцевъ сколько-нибудь существенной цѣнной единицы. Между тѣмъ соболь сдѣлался теперь рѣдкимъ, цѣна же предметовъ, въ родѣ ноженъ къ клинку или пояса анки, едва ли превзойдетъ стоимость отъ 1 до 2—3 рублей. На предметы насущной необходимости, стоимость которыхъ ничтожна (какъ, напр., табакъ, чай, ситецъ и платки), цѣна возвышается настолько, что соболь обходится покупателю часто отъ 50 коп. до 1 рубля. Торговцы, учинивъ набѣгъ на островъ, стараются опередить одинъ другого, — всякій хочетъ въ поселеніе туземцевъ явиться первымъ, чтобъ снять пѣнки, собрать плоды осенняго и зимняго звѣринаго улова. При этомъ самую важную роль играетъ водка, чтобы подпойть, угостить, а потомъ взять съ туземца все, что есть у него лучшаго изъ промысла, задавъ при этомъ въ долгъ негодныхъ товаровъ за приличное количество соболей подъ уловъ будущаго года.

Такъ идетъ сборъ долговъ, продажа товаровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершается экономическое порабощеніе туземцевъ и нравственное разореніе ихъ. У туземцевъ накопились громадныя долги торговцамъ; при свойственной островитянамъ честности, долгъ отца принимаетъ на себя сынъ. Неоплатный должникъ часто продается однимъ торговцемъ другому: этотъ должникъ, можетъ быть, даже съ наследственными долгами, перевозитъ разные товаришки своего кредитора. Кредиторъ обнаруживаетъ по отношенію къ своему должнику островитяну тотъ рядъ дѣйствій и поступковъ, которые въ такой-же степени оскорбительны для нравственности первобытнаго человѣка, какъ и истинно-цивилизованнаго, сознающаго свое человѣческое достоинство. При устьѣ р. Пороная, у залива Терпѣнія, именно тамъ, гдѣ меня едва не отравили, поселился одинъ такой торговецъ, бывшій ссыльный. Во время четырехмѣсячнаго здѣсь пребыванія передо мною пронесся рядъ самыхъ безотрадныхъ фактовъ отношенія его къ туземцамъ. Между тѣмъ онъ, кажется, пользуется даже покровительствомъ мѣстной власти и имѣетъ отъ нея чуть-ли не «ученія порученія».

Гилекъ-бобыль.

Болѣе или менѣе постоянное русское населеніе начало водворяться на Сахалинѣ съ 1853 года, — періодъ времени довольно порядочный. Первоначально основывались военные посты, которыхъ въ заключеніе оказалось на островѣ въ разныхъ пунктахъ, наиболѣе важныхъ въ экономическомъ отношеніи, около десятка или даже до шестнадцати пунктовъ, если считать и второстепенные, въ которыхъ располагались и линейный батальонъ, и горная батарея, и одна военная мѣстная команда. Въ настоящее время прибавилась на островѣ три мѣстныхъ военныхъ команды, но ни батальона, ни батареи не существуетъ. Большая часть постовъ, гдѣ располагались военныя силы, исчезли; многіе изъ нихъ сожжены японцами-рыбаками, зданія отъ другихъ превратились въ развалины, — и не осталось никакого существеннаго, культурнаго слѣда на островѣ отъ пребывавшихъ на немъ значительное время живыхъ русскихъ силъ.

Лѣтъ двадцать назадъ были, по вызову, переселены на Сахалинъ, на заранѣ назначенное властями мѣсто, именно въ долину Токоя, свободные переселенцы хлѣбопашцы, въ числѣ

21 семьи, при 100 душахъ мужского и женскаго пола, съ различными льготами. Много перенесли колонисты трудностей прежде, чѣмъ дошли до назначеннаго имъ пункта. Прошли года два тяжелыхъ земледѣльческихъ трудовъ—и обработанныя нивы дали на первобытной, дѣвственной почвѣ, хорошій урожай. Колонисты приободрились, еще разработали землю, но на этотъ разъ неудачно: послѣ посѣва выпалъ снѣгъ 9 мая, потомъ быстро началъ таять, долина наполнилась водой, что случалось по временамъ и раньше; пашни оказались затопленными,—урожая никакого. Потомъ повторилась та-же исторія: снѣгъ въ маѣ, посѣвъ дѣлать своевременно нельзя, пашни подъ водой—и колонисты безъ хлѣба. Потопами уносить свиней, жеребятъ, даже страдаетъ отъ нихъ взрослый домашній скотъ. Когда я проходилъ по долине Токоя съ своей тяжелой ношей, то упивался прекраснымъ впечатлѣніемъ, которое производили на меня превосходные дуга, ровная мѣстность,—это лучшее, что я видѣлъ на Сахалинѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ я видѣлъ отдѣльные дома, а въ одномъ—цѣлый рядъ отлично выстроенныхъ русскихъ избъ, съ прелестной часовней во главѣ. Какъ мнѣ хотѣлось отдохнуть

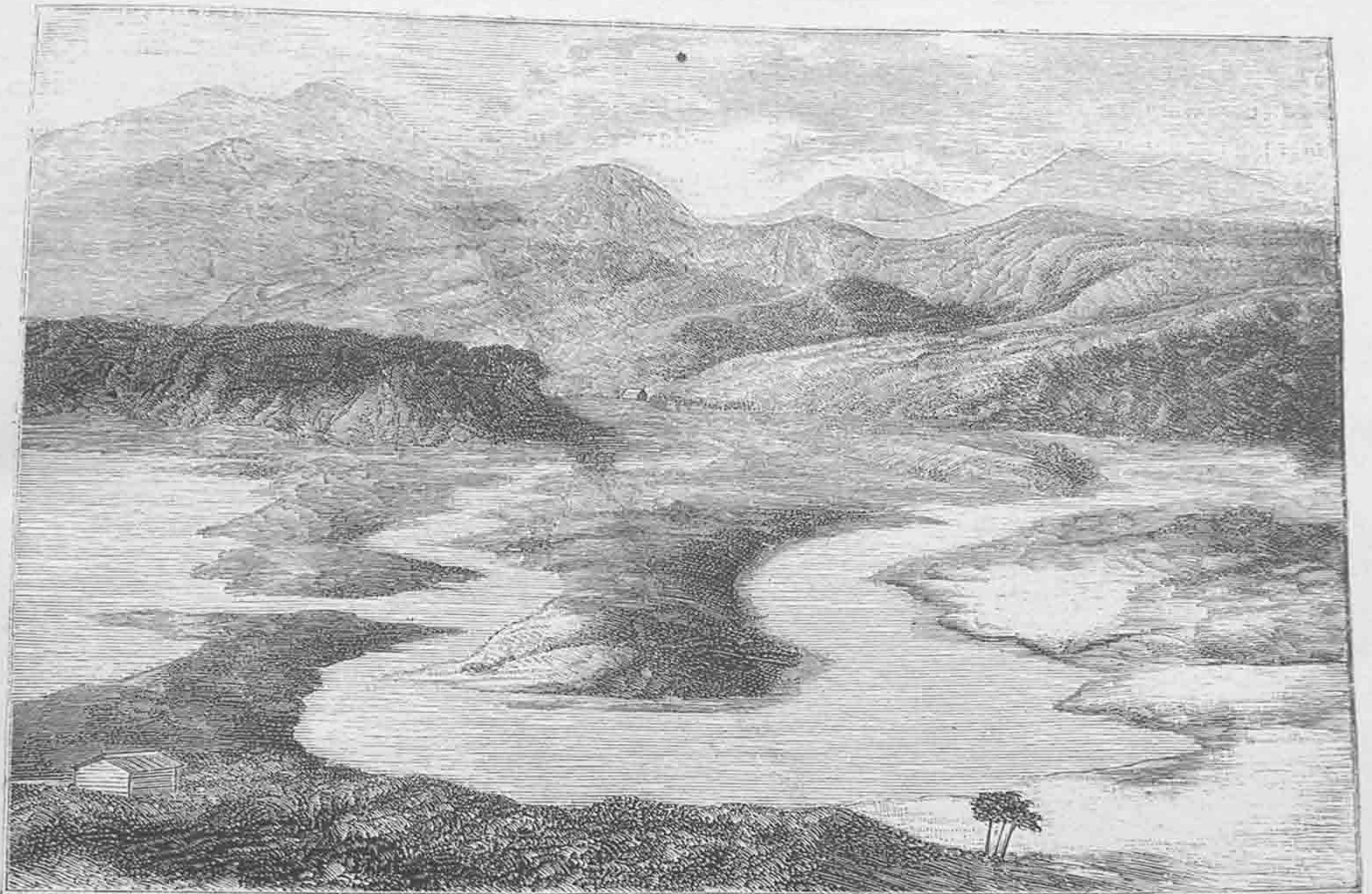
Мангунъ съ р. Омгуши.

наконецъ въ чистомъ помѣщеніи, слышать настоящей родной языкъ, видѣть въ дѣйствительности русскую деревенскую жизнь! Но, къ сожалѣнію, прекрасные дома были пусты, безъ оконныхъ стеколъ. Заглянулъ я въ нихъ—печки развалились, потолки обрушились. Когда ливни застигли меня неподалеку отсюда въ верховьяхъ Сусуи, когда я увидалъ передъ собой водосемы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ раньше не было, то понялъ, почему опустѣло въ долине Токоя бывшее русское жилище. Крестьяне разбрелись; нѣкоторые поселились по Сусуѣ, на Черной рѣчкѣ. Но и здѣсь я засталъ одно, еще свѣжее, пожарище: жителей вытѣснилъ отсюда медвѣдь, съ чрезвычайнымъ остервенѣніемъ уничтожавшій скотъ. Многие изъ нихъ поселились въ окрестности Корсаковского поста, построились, но отсюда выжило ихъ начальство.

Теперь почти всѣ колонисты опять собрались вмѣстѣ къ востоку, верстахъ въ 40 отъ Корсаковского поста въ селеніи Чиписани. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ перебрались сюда годъ или два назадъ, они успѣли обстроиться, разработали пашни, имѣютъ покосы по береговой косѣ; но получаютъ умеренные урожаи, не обезпечивающіе ихъ потребностей; хлѣба часто, какъ они говорятъ, «сѣдаютъ» холодные морскіе туманы; да къ тому-же и посѣвныя сѣмена самаго низкаго качества. На скотъ, особенно на телятъ, постоянно бываетъ моръ. Частію рыболовство, главнымъ-же образомъ соболиный промыселъ, служатъ подспорьемъ къ поддержанію существованія. Нѣкоторыя изъ мѣстныхъ властей укоряютъ крестьянъ въ лѣности,—я же, напротивъ, удивляюсь ихъ настойчивости, терпѣнію, съ которыми они перенесли такую невѣроятную массу мытарствъ и все-таки не остались нищими, а при хозяйствѣ, по мѣстнымъ условіямъ, достойномъ похвалы. Это хозяйство—единственное на Сахалинѣ, но и ему грозитъ еще опасность—не окрѣпнуть. Съ крестьянъ взыскиваются деньги, израсходованныя на нихъ при доставкѣ въ долину Токоя, также за продовольствіе, которое они получали тамъ изъ казны въ первые годы пребыванія, пока не обстроились, а потомъ въ голодные годы, послѣ потопа. Такъ, въ прошлую зиму съ каждой семьи было взыскано по 75 рублей платежа, между прочимъ, со многихъ за такіе предметы, которыхъ они никогда не получали. На нынѣшнюю зиму крестьянамъ «велѣно» приготовить по 50 руб-

платежа. Если во время прошлаго платежа многимъ крестьянамъ пришлось продать для уплаты изысканія чуть-ли не послѣднихъ коровъ, а у нѣкоторыхъ даже описано имущество, то трудно себѣ даже представить, что будетъ дальше съ ихъ хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ, было-бы благоразумнѣе отсрочить платежъ, а еще справедливѣе—отнести его на отвѣтственность тѣхъ лицъ, по инициативѣ которыхъ крестьяне обязательно должны были поселиться въ указанномъ имъ и завѣдомо неудобномъ мѣстѣ для введенія сельскаго хозяйства. Въ крайности, навѣрныхъ русскихъ свободныхъ колонистовъ пионеровъ, ведшихъ неустанную культурную борьбу съ негостепримной и своеобразной природой острова.

Таковы мои воспоминанія о сахалинскихъ дебряхъ, туземцахъ, съ ихъ первобытною, но непоколебленною постороннимъ вмѣшательствомъ добродѣтелью, заключающеюся не въ отвлечен-

Долина рѣчки Александровки на Сахалинѣ.

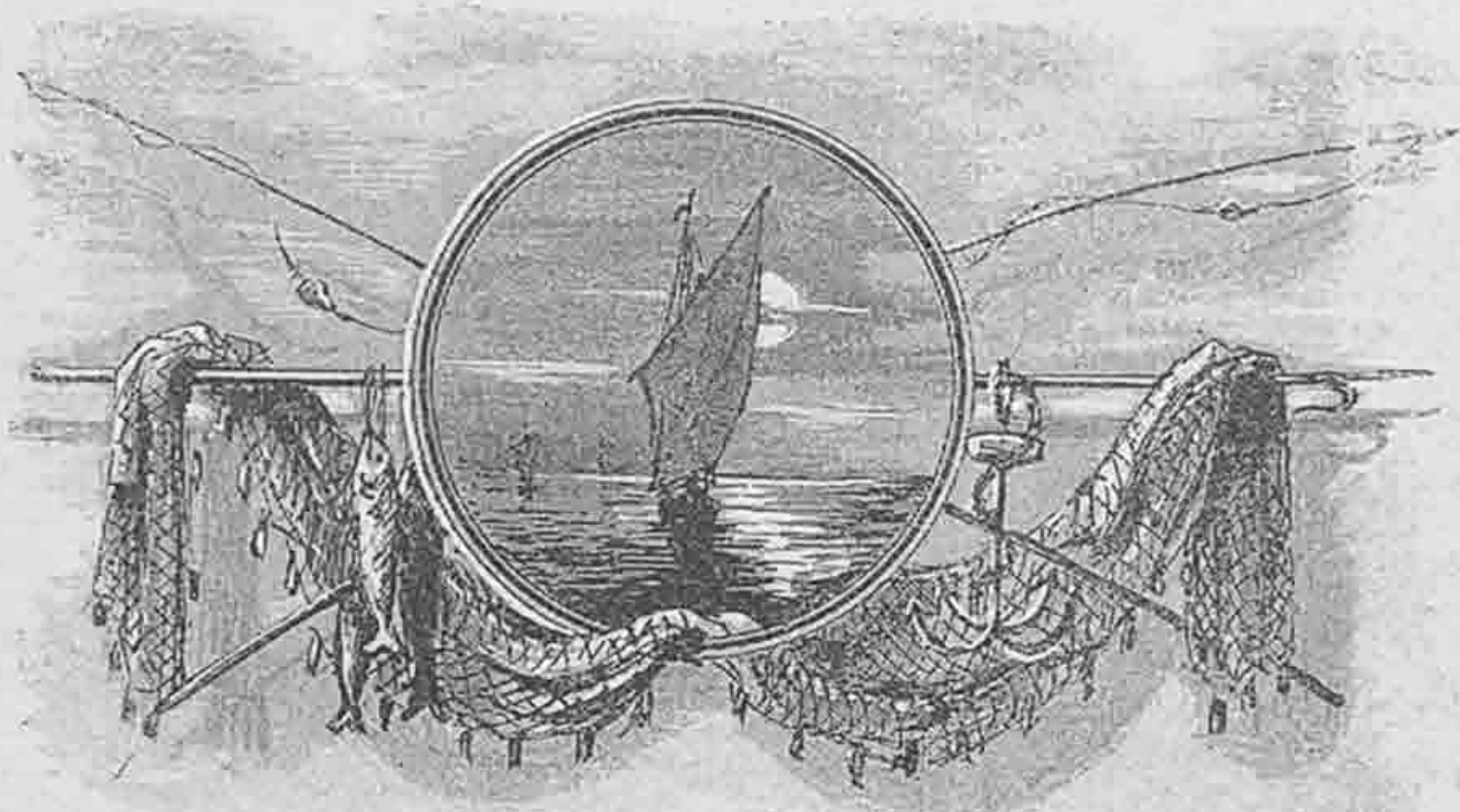
номъ исповѣданіи принципа: «люби ближняго», но въ самыхъ дѣлахъ, что крайне существенно.

Теперь нѣсколько словъ о заселеніи острова ссыльно-каторжными. Имѣя въ виду чрезвычайныя трудности, съ которыми сопряжена борьба съ природой на Сахалинѣ, для достиженія сколько-нибудь удовлетворительныхъ культурныхъ результатовъ, особенно трудомъ принудительнымъ,—нужно сознаться, что подобное заселеніе—дѣло сложное, требующее особенной осторожности и осмотрительности. Но заселеніе уже ведется. Воздерживаясь пока отъ оцѣнки заселенія, нельзя не выразить сожалѣнія о той борьбѣ, которая такъ энергически ведется между мѣстными руководителями и заправителями,—такъ наглядно и характерно проявляется здѣсь. Въ этомъ случаѣ, какъ и обыкновенно, оправдывается поговорка: «бары ссорятся, а у мужиковъ чубы трещать»,—то есть, страдаетъ именно самое дѣло заселенія. Могу сказать лишь одно, что карательныя цѣли подневольной колонизаціи можно считать вполне достигнутыми.

Я многократно спрашивалъ ссыльныхъ въ разныхъ мѣстахъ: нѣтъ-ли у нихъ какихъ-нибудь пѣсенъ про Сахалинъ? Отвѣтъ былъ почти всегда одинаковъ: «Какія у насъ, баринъ, пѣсни! Есть только одна, да и ту не поемъ: Сахалинъ-островъ, кругомъ вода, а по срединѣ бѣда!»... Положеніе ссыльно-каторжнаго, дѣйствительно, заслуживаетъ глубокаго состраданія со стороны посторонняго наблюдателя, въ особенности-же такого, который знаетъ, наблюдалъ быть осужденныхъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Больше чѣмъ желательно, чтобы мѣстные дѣятели не ставили личныхъ интересовъ выше общественныхъ и государственныхъ, чтобы личная ихъ фантазія не замѣняла закона. Необходимо также, чтобы дѣйствительность не идеализировалась, чтобы истина не отходила на второй планъ. Только при этихъ условіяхъ можно будетъ исцѣлять недугъ и будетъ больше шансовъ достигнуть хоть какихъ-нибудь культурныхъ результатовъ.

Но я совсѣмъ забылъ про «Байкаль». 18-го іюля, утромъ, онъ направился по Анивскому заливу. Нѣсколько часовъ спустя послѣ полудня, мы подходили уже къ Крильону, но густой туманъ закуталъ морскую поверхность. Затѣмъ разразилась гроза съ сильными раскатами грома, и даже молніи не освѣщала пути. Измѣнили курсъ, туманъ продолжался, и такимъ образомъ мы проболтали въ Анивѣ цѣлыя сутки. Затѣмъ подошли опять къ Крильону, также при туманѣ; на этотъ разъ прошли благополучно «Камень Опасности», вышли въ море и черезъ пять сутокъ достигли залива св. Ольги. Простоявъ здѣсь нѣсколько времени, мы были затѣмъ еще около сутокъ въ плаваніи, среди туманнаго моря и, наконецъ, 24-го іюля вошли въ Золотой Рогъ и отдали якорь на Владивостокскомъ рейдѣ.

Ив. Поляновъ

КАРТА
ЯКУТСКОЙ, АМУРСКОЙ
И
ПРИМОРСКОЙ
ОБЛАСТЕЙ

Масштаб
1:1000000

КАРТА
ЯКУТСКОЙ, АМУРСКОЙ
и
ПРИМОРСКОЙ
ОБЛАСТЕЙ
 Масштабъ
 1:100,000
 1:100,000

**КАРТА
ЯКУТСКОЙ, АМУРСКОЙ
И
ПРИМОРСКОЙ
ОБЛАСТЕЙ**

Масштабъ

1:100,000

